

М.КРОУН

КАЗНЬ

КОРОЛЕВЫ

АННЫ

Женские лики – символы веков

М. Кроун

Казнь королевы Анны

«Public Domain»

1879

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Кроун М.

Казнь королевы Анны / М. Кроун — «Public Domain»,
1879 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-02997-4

Имени англоязычного писателя М. Кроуна не удалось отыскать ни в «Британской энциклопедии», ни в пятитомной «Истории английской литературы», ни даже в Библиотеке конгресса США. Единственный литератор – однофамилец автора, англичанин John Crowne (1641–1712), такого произведения не писал. В связи с этим стоит сказать несколько слов об издателе этой книги, вышедшей в 1879 г. Михаил Николаевич Воронов (1851—?) – редактор и издатель журнала «Изумруд», представлявшего собой сборник переводных романов, путешествий и рассказов большей частью второстепенных писателей; издавался в Москве, 6 раз в год, с 1878 по 1882 г. Остается предположить, что либо автор романа был действительно «второстепенен» до полной неизвестности, либо имеет место литературная мистификация, когда издатель выдает собственное сочинение за иностранный перевод. Тем не менее роман «Казнь королевы Анны», автором которого значится М. Кроун, был популярен в России в конце XIX в. и неоднократно переиздавался. В нем повествуется о судьбе провинциальной дворцовой блудницы Анны Болейн, благодаря своему коварству и распутству ставшей на недолгое время королевой Англии, чтобы быть в свою очередь преданной, низложенной и казненной своей молодой соперницей красавицей Сеймур и некогда любимым мужем Генрихом VIII.

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-02997-4

© Кроуи М., 1879
© Public Domain, 1879

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Глава III	19
Глава IV	27
Глава V	30
Глава VI	34
Глава VII	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

М. Кроун

Казнь королевы Анны

Глава I

Царь мрака

Время близилось к полуночи. Сатана летел быстро, стремительно в беспредельности заоблачного пространства. Земной шар тонул в непроходимом мраке, а высоко над ним блестяли мириады светил, таинственных миров, которых не достигла даже мысль человека.

Владыка ада не мог оторвать взгляд от этого торжественного, величественного зрелища, и в нем вспыхнуло ярче чувство смертельной ненависти к Создателю Вселенной.

Он вдруг остановился, и его исполинские, чудовищные крылья раскинулись по воздушным волнам и замерли в полнейшей неподвижности.

Царь Тьмы взглянул на солнце: оно как будто погружалось в дремоту и втягивало в себя огненные лучи; он окинул взглядом и полную луну, и золотые звезды, горевшие на небе, и не сдержал восторженного восклицания.

– Этот волшебный мир – творение Его рук! – произнес сатана с яростью.

Он не мог произнести имя Господа – оно жгло ему губы.

– Да! – продолжал он с тем же суровым озлоблением. – Он создал эти дивные, таинственные страны; Он присвоил себе верховное владычество над Вселенной, а мне отдал только темные бездны. Зная о моих темных помыслах, Он ограничил мою волю и сковал силу. Моя судьба плачевнее, чем судьба человека – ничтожного творения, возникшего из праха, чтобы обратиться в прах; последний вправе относиться ко мне с полным пренебрежением, если он не поддастся никаким искушениям; мне нет прощения, он же, прощаясь с жизнью, прожитой в беззакониях, должен лишь воззвать к Создателю, и раскаяние снимает с него все преступления!

Опустившись ниже, сатана сел на облако и погрузил взор в непроницаемый мрак, окутавший Землю.

– Ночь – славная пора, – прошептал он со злорадством. – Это пора разгула всех порочных наклонностей, которые свойственны человеку: преступная любовь, предательство, измены, убийства, грабежи, засады и дуэли – этот бич человечества, когда людское самолюбие превращает чувство задушевной приязни в жажду крови и мести. В освещенные залы входят под звонкие песни, скандальные оргии; азартные игры собирают своих приверженцев, и темные приюты, где минута решает участь человека, наполняются светом и суетой; золото лежит грудками на карточных столах, и вокруг них толпятся люди с бледными лицами и горящими глазами. А число тех, кто умрет сегодняшней ночью, особенно велико, и среди них немало личностей, занимавших прекрасное положение в обществе. Заглянем в этот дом с мраморными лестницами, уставленными статуями и дорогими тропическими растениями. На шелковых подушках молочной белизны, под темно-алым пологом из лионского бархата лежит седой дипломат, отходящий в вечность. Не пройдет и двух минут, как он предстанет перед грозным судилищем, где ему придется держать ответ за интриги и предательства своей гнусной политики. А там – богач, ворочавший миллионами, умирает, окруженный своими земными сокровищами. Яркий свет канделябров освещает его лицо, искаженное мукой и беспредельным ужасом. Ликуй, мой темный ад, это твоя добыча! Его казна и сердце были всегда закрыты для бедных и страждущих! Ничей вздох не проводит отходящую душу, и ничья молитва не смягчит приговор, который покарает адское бессердечие этого человека. У изголовья стоит его наследник – он еще полон жизни, но мне известно будущее моих земных рабов: он кинется, как коршун, на золото

отца и расточит его в попойках и разгуле; но смерть сразит его в расцвете лет, и у него останется от всех сокровищ только богатый саван, если жадный могильщик не сочтет его роскошью, совершенно излишней для остывшего трупа.

Сатана задумчиво помолчал, затем продолжил после минутной паузы:

– Вот еще смертный одр, но все здесь выглядит иначе. Тусклый свет ночника не в силах разогнать непроглядный мрак в тесной и сырой камерке; на железной кровати с изодранным матрасом в предсмертных муках корчится убежденный атеист. Для него нет спасения – он осужден заранее. Но что это? Дверь открывается, и к нему входит женщина с печальным, прекрасным и спокойным лицом; она тихо склоняется над ложем умирающего и старается вызвать в очерстевшем сердце раскаяние. Он обращает к ней утасяющий взор, и в нем светится чувство, ему прежде не свойственное. Появляется священник с распятием в руках; он подходит к одру смирившегося грешника и дарует ему после короткой исповеди полное отпущение всех его прегрешений – вольных и невольных.

По лицу умирающего промелькнула спокойная и ясная улыбка... Его дух отлетел с последним вздохом... Он уже в царстве славы, уготованном Богом всем любящим Его...

– Этой женщине стоило сказать несколько слов, чтобы смягчить это сердце, окаменевшее от долгого и упорного неверия, и отнять у меня законную добычу! – проревел сатана, задыхаясь от бешенства. – Она уже не раз вырывала у меня из рук рабов моих! Будь она проклята, эта Благотворительность! Христос призвал ее к подножию креста и заповедал ей облегчить все печали человечества. Творец, Твое могущество превышает мое! Я это сознаю, но ненависть к Тебе разгорается больше от сознания моего бессилия перед Твоей властью.

Глаза владыки обратились с угрозой на спокойное небо: он взмахнул гневно крыльями и стал в ту же минуту опускаться на землю, словно ястреб, который устремляется на добычу.

Перед ним промелькнули неприступные горы и шумные потоки, обширные пустыни, обожженные солнцем, страны, города и столицы, и хотя на земле свирепствовали голод и мор, они не привлекли внимания сатаны. Он пролетел, как молния, когда она пронзает неподвижную тучу и озаряет сразу и запад и восток, и сдержал свой полет над берегами Англии, погруженной во влажный и глубокий туман. Окинув страну холодным и безучастным взглядом, сатана опустился на вершину большого отлогого холма, в одной из самых дальних местностей королевства.

На нем возвышался древний, величественный замок с зубчатыми стенами и высокими башнями; исполинское здание стояло на самом берегу глубокой, но спокойной реки; за ней тянулись вдаль цветущие равнины и богатые села, а вековые леса оведали прохладой это замечательное родовое поместье одной из самых древних и известных фамилий Англии.

На его массивных дверях, окованных железом, красовался герб непобедимых Перси: лев с косматой гривой – символ чести и мужества – стоял на задних лапах; царь зверей поднял кверху свою умную голову и открыл свою страшную, воспаленную пасть, как будто ожидая приближения врага; спокойная отвага, которая исходила от неподвижно застывшего льва, его одиночество на голубом поле герба по воле случая вполне верно олицетворяли и нравственные достоинства, и земной удел последнего потомка утасяющего древнего и доблестного рода.

Сатана облетел исполинское здание с зубчатыми стенами и высокими башнями, и мрачное лицо его побледнело от злобы: он повис на мгновение над светлыми водами неподвижной реки и проскользнул без шума к высокому окну – это было единственное из многих окон замка, которое светилось в эту глухую пору. Уцепившись когтями за подоконник, сатана с глубочайшим вниманием уставился на разноцветные стекла массивных рам.

Он увидел обширную и высокую комнату, озаренную светом алебастровой лампы. У яркого огня, пылавшего в камине, в кресле сидел мужчина представительной и прекрасной внешности, с длинной остроконечной бородой. Его ноги покоились на большой волчьей шкуре; он был в глубоком трауре. Человек этот был еще крепок и молод, но яркий румянец юности

на его лице заменила матовая белизна, переходящая в бледность; его черные, слегка выющиеся, глянцевые волосы спадали на затылок из-под бархатной шапочки, прикрывающей темя; на широкой груди блестела золотая массивная цепочка превосходной работы.

Он казался печальным и смотрел на огонь, но мысли этого человека витали, очевидно, далеко.

– Я не смог вызвать в нем ни малейшего ропота, – прошептал сатана, злобно и мрачно глядя на его симпатичное и грустное лицо, – хотя и не щадил ни усилий, ни средств, чтобы восстановить его против Творца. Я сгубил безвозвратно его земное счастье, я отнял у него надежды. Он пытался бороться, и победа осталась не на моей стороне: я обольщал его страстями – он не поддался им. Я вонзил в его сердце острое жало ревности – но он вырвал его, облитое кровью, и отрекся от мщения у подножия креста. Я пробовал не раз вселить в него сомнение – он призывал на помощь свою твердую веру во всемогущество Божье и был неуязвим. Я терзал беспощадно этого человека: ни один светлый луч не упал на его грустную, одинокую жизнь – и дружба, и любовь, и семейное счастье остались для него лишь пустым звуком. Но все мои усилия не привели к желаемому результату: с его губ не слетело ни проклятия горькой судьбе, ни жалобы на Создателя.

Глаза владыки ада сверкнули в темноте, как два горячих угля; уступая порыву непосильного бешенства, он вонзил в тело свои острые когти, и несколько капель крови попало на стекло; предание утверждает, что ничто не могло уничтожить эти багровые брызги.

Но каковы бы ни были те великие силы, которые природа дарует своим избранныкам, а близость искушителя начинала угнетать его жертву: ужасное смущение охватило Генри Перси, какой-то странный холод сковал его члены, сердце заныло тревожно и болезненно и перестало биться.

– Что со мной, боже мой! – воскликнул он с испугом. – Это яркое пламя не дает тепла... Я не могу дышать... кровь застывает в жилах... Неужели я способен поддаться этой слабости и свалиться без чувств? Гарри, дай мне вина!

Но никто не отозвался. Поняв, что его старого и верного слуги не было в комнате, лорд Перси встал не без усилия и подошел к изящному резному буфету, который стоял под большим балдахином в другом конце зала; в нем было несколько очень широких полок, покрытых полотняной, белой как снег тканью с кружевной отделкой.

На них стояли блюда с паштетами и дичью и пирамиды сочных оранжерейных фруктов, целая батарея бутылок и стаканов, сосудов из металла и слоновой кости и коллекция кубков всевозможных размеров.

Лорд Перси взял одну из самых драгоценных и тяжеловесных чаш и, наполнив ее до краев вином, вернулся и сел, как прежде, у камина.

– Всегда один! Что может быть ужаснее! – произнес он печально.

Сатана читал в сердце своей несчастной жертвы и задрожал от радости.

За оконной рамой раздался легкий треск, но Перси погрузился в глубокое раздумье и не слышал его.

– Бог создал человека не для одиночества, – продолжал он все с той же мечтательной грустью. – Мир кажется пустыней, когда не слышишь голосов живых существ. Огонь в камине греет, когда дом оживляется присутствием семьи и песнями детей. Крики новорожденного заставляют невольно думать о будущем. Блажен тот, кто имеет семейство и детей! Жизнь отказала мне в этом великом даре; мои земные радости осыпались, как лепестки цветов, оставив обнаженный, полуиссохший стебель... Куда я дел вино?..

Перси отпил глоток из драгоценной чаши и, слегка приподняв ее, стал молча любоваться чудесной работой.

На нижней ее части был изображен дракон, уснувший в букете маковых цветов, листья которых падали на его безобразное чешуйчатое тело; крылья его поддерживали объемистую

чашу из горного хрусталя с легкими инкрустациями из жемчуга и золота; хвост страшного дракона обвивал чашу доверху и спускался вниз причудливыми изгибами; на свободном пространстве между лапами дракона была выгравирована старинным шрифтом коротенькая надпись: «Я дарую забвение!» Верхнюю часть сосуда отделяла от нижней металлическая лента с фантастическим бантом, украшенным гербом благородных, неустрашимых Перси – лев с разинутой пастью приподнимал кверху графскую корону, унизанную крупными, сверкающими бриллиантами.

Нужно заметить, что художники того времени не придавали, видимо, никакого значения обработке подобных драгоценностей, их шлифовке: они, конечно, думали, что их уникальность и ценность исключают необходимость искусственной отделки.

Генри Перси хотел было выпить еще глоток, но в ту же минуту почти с отвращением отвел чашу от губ.

– Нет! Я не в силах пить! Ты не дашь мне забвения! – прошептал он с тоской и поставил на столик около камина сверкающий сосуд. – Ты лжешь! – продолжал граф. – Ты не дашь мне желаемого. Я пришел к убеждению, что мне не найти покоя в этой жизни! Бог создал человека вовсе не для земли... не для того, чтобы пить и питать это тело, которое раньше или позже разрушается, эту глину, которая высыхает и валится на землю. Нет, во мне есть иное существо – моя душа, над которой не властны законы разрушения, мое сердце, исполненное беспредельной любви, мой разум, отличающий дурное от хорошего, моя совесть, которая охраняет меня от соблазнов порока. Да, вот что не погибнет, вот что сотворено не для земной, но для вечной жизни. Все, что я здесь вижу, мелко и ничтожно, пусто и изменчиво. Все наводит на мысль, что гоняться за счастьем – все равно что преследовать звук: обстоятельства разлучают нас с людьми, близкими нашему сердцу; но и, кроме того, их постигают болезни и несчастья... смерть сводит их в могилу. В настоящем нет прочности; если заглянешь в прошлое, то вспомнишь о промахах, несбывшихся надеждах, горьких разочарованиях, а будущее покрыто непроходимым мраком.

Генри Перси замолк, и его выразительное, симпатичное лицо исказилось; он стиснул руки и произнес чуть слышно с мучительной, беспредельной тоской:

– Прошел уже год, с тех пор как Томас Мор погиб на эшафоте, и еще день после казни Рочестера... Прошел уже целый год, с тех пор как вина за эту ужасную казнь возлагается на нее. На нее! Боже мой, мог ли я думать... что Анна Болейн... моя милая Анна!.. Эта мысль разрывает мне сердце! Всемогущий Создатель! Облегчи это страшное, непосильное бремя или пошли мне смерть!

Сатана выпустил свои острые когти, как будто готовясь запустить их в добычу.

– Я не просил Тебя, – продолжал тихо Перси, – дать мне жизнь! Иов тоже оплакивал день своего рождения, но Иов не роптал!.. И я, всемогущий Боже, сомкну свои уста и покорюсь безропотно Твоей священной воле! Мне думалось сначала, что Ты открыл для меня источник покоя и счастья, который не иссякнет до конца моей жизни; но он превратился в источник жгучих слез. Да будет на все Твоя святая воля!

За этим восклицанием графа последовал резкий крик или, вернее, свист; лорд Перси вскочил с места и обвел взглядом комнату; он не увидел никого, кроме Гарри, шедшего от дверей своей обычной неверной походкой.

– Это ты свистнул, Гарри? – спросил поспешно Перси.

Слуга взглянул на графа.

– Нет, – сказал он спокойно.

– Это довольно странно. Но ведь ты слышал свист?

– Я ничего не слышал.

Граф подошел к окну с разноцветными стеклами и открыл его: он увидел во мраке только лучистый след и услышал в глубокой тишине всплеск – как будто очень грузное тело упало в спокойную реку.

– Я, признаюсь, не думал, что наши рыбаки занимаются ловлей в такую позднюю пору, – проговорил лорд Перси, всматриваясь в темноту ночи.

Но он не увидел ничего необычного: над сияющим пространством царило, как и прежде, полнейшее безмолвие, лес утопал во мраке, спокойная река отражала небесный свод, усеянный блестящими звездами; только где-то вдали слышался мерный стук колес водяной мельницы.

Граф открыл окно.

– Я, однако же, слышал довольно резкий свист, – с уверенностью сказал он, подходя к старику, который приютился между тем у камина. – Не желаешь ли, Гарри, выпить это вино?

И лорд Перси подал ему чашу, взглянув сострадательно на обнаженный череп и на сгорбленный стан своего старого и верного слуги.

Гарри схватил ее дрожащими руками, но, когда он увидел при ярком свете пламени крылатого дракона и сверкающий герб, он тотчас возвратил ее своему господину.

– Милорд, ведь эта чаша принадлежала вашему достойному отцу, – проговорил старик. – Избави меня Боже прикасаться к ней иначе, как с чувством уважения. Ваша мать принесла ее в дар своему супругу в день вашего рождения; он подарил ей дорогое ожерелье; меня тоже призывали, и ваш отец в порыве невыразимой радости взял вас из колыбели и сказал мне приветливо: «Бог дал мне сына, Гарри, я хочу, чтобы и ты полюбовался им, дорогим моим первенцем!» Он схватил эту самую драгоценную чашу и, налив в нее превосходное вино, осушил ее залпом. Дом наполнился радостным и шумным ликованием, каждый хотел взглянуть на вас, полюбаваться вами. Как теперь вижу: вы лежите в прекрасной колыбели, а кормилица ваша, покойная моя жена, обезумев от радости, повторяет без усталости: «Это наследник славы Нортумберлендских графов!»

– На земле есть народы, которые оплакивают рождение человека и предаются радости в минуту его смерти... Эти люди умнее, чем мы думаем, Гарри, – произнес Генри Перси.

– Зачем вы постоянно говорите о смерти? – сказал старик с упреком и досадой. – Мысль о ней отравила последние годы моей жизни, хотя вся моя молодость прошла в шуме битв и праздновании побед вашего благородного и храброго отца. Я, как верный слуга, гордился его славой, благодарил Творца за все его удачи, радовался успехам его, как своим собственным. Король Ричард погиб у меня на глазах на равнинах Босворта. Когда он посмотрел на вашего отца и встретил его взгляд, исполненный глубокой, непримиримой ненависти, он приказал схватить его, но мы все отступили, и никто не дерзнул посягнуть на свободу отважного вождя. Взбешенный нашей непокорностью, король бросился на своего врага, но не прошло и минуты, как он упал с коня, пораженный бесчисленными смертельными ударами. Сражение при Стоке, по прошествии двух лет после того события, усилило еще нашу ратную славу: граф Линкольн был убит, мы одержали полную, блестящую победу! Но... ведь вы равнодушны и к упоению битвы, и к торжеству победы, хотя первые опыты ваши на ратном поле и обещали иное!..

– Неужели ты думаешь, что я стану сражаться за Генриха Восьмого?! – воскликнул с гневом Перси. – Вспомнил ли он хоть раз, что граф Ричмонд обязан королевским венцом графу Нортумберленду?¹

– Нам не пришлось повторять с той радостью, с которой мы твердили у вашей колыбели: «У графа есть наследник его славы и имени!» – сказал с сердцем старик. – Ваши вассалы видят с душевным сокрушением, как угасает род непобедимых Перси! Вы осыпаете их щедротами, так что, потеряв вас, они потеряют все! Благородное самолюбие, желание сохранить

¹ Граф Ричмонд, впоследствии король Генрих VII и отец Генриха VIII, был обязан победой при Босворте, а вследствие ее и английской короной графу Нортумберленду, отцу Генри Перси.

ваше славное имя не смогли взять верх над той роковой печалью, которая затмила, как туча, вашу молодость.

– Я не буду оспаривать эту печальную истину, – отвечал Генри Перси. – В судьбе моей действительно есть что-то роковое; на мне лежит тяжелый и непосильный гнет... имя Анны Болейн разрывает мне душу. Я готов думать, Гарри, что на свете есть люди, обреченные расплачиваться за чужие грехи, но нам не дано постичь эту странную и великую тайну; наш слабый ум не может понять цели благого провидения! Мы должны покоряться и уповать на милость всемогущего Бога... И если я не оставлю след на земле, что же в этом особенного? Что слава? Пустой звук!.. Что такое сражение? Уничтожение друг друга людьми, которые даже не знакомы. Наша жизнь проходит так быстро, что о ней не стоит размышлять, Гарри! Можно утолить жажду, голод, но нет средств, чтобы унять нравственные страдания. Я не был обуреваем никакими химерами; одиночество научило меня видеть вещи в истинном свете, без прикрас; я понял, что если в человеке и есть что-нибудь достойное внимания, так это его сердце, а его-то и рвут безжалостно на части!.. Нет, мне нужно иное!.. Мне нужны крылья, Гарри, чтобы улететь отсюда, но я хочу унести с собой ее.

– Кого это – ее? – спросил старик, потерявший от старости способность понимать, о ком идет речь, без ясных указаний на имена или фамилии.

– Кого? О, Гарри, Гарри! Тебе ли еще спрашивать? – сказал с упреком лорд. – Ну, понятно, кого: ее, Анну Болейн, единственную женщину, которая была и будет мной любима до конца моей жизни! Выслушай меня, Гарри! Только с тобой я могу говорить откровенно, хотя знаю, что тебе не понять всего, что я скажу. Что за беда? Мне нужно излить наболевшее, что облегчит, несомненно, исстрадавшееся сердце! Ты любишь вспоминать о своей молодости, но моя унеслась еще быстрее твоей. Когда я впервые увидел эту женщину, я был глубоко тронут ее детской грацией, ее скромностью; мне показалось, что мы с ней не чужие, что я знал ее прежде. Она была чиста в то блаженное время, она ценила все возвышенное, сопереживала всем страждущим и облегчала страдания всех мучеников. Она казалась ангелом, спустившимся на землю, чтобы напомнить людям о забытом небе! Я ее полюбил, и мне не приходилось стыдиться этого чувства: оно было таким честным! Все, чего я желал, так это оберегать нежное, прелестное создание от всех невзгод. Я смотрел на нее почти с благоговением, как на великий дар, ниспосланный мне Господом; скажу более, Гарри: я пришел к убеждению, что ответствен за ее настоящее и будущее. Я был в расцвете сил, мне были доступны любые наслаждения, но чувство к Анне оградило меня от всех соблазнов: оно даже переродило меня. Я стал смотреть на жизнь по-другому и понял, что мы призваны в нее не для пиров и веселых попок. Я начал понемногу отдаляться от придворной молодежи и удивлялся способности товарищей проводить дни и ночи в пустых развлечениях. Святые узы брака и семейная жизнь стали конечной целью моих дум и желаний; мне открылось истинное назначение жизни; я не узнавал себя! Анна Болейн была единственной владычицей моей души и мыслей. Я старался развить в ней природные дарования и сформировать ее религиозные верования. Честолюбие было отличительной чертой ее родни, и я один любил ее бескорыстно. Для них же она была не более как средством к достижению целей; все они спекулировали на ее красоте, уповая на то, что брак с влиятельным лицом придаст им больше веса при дворе. Я понял их расчеты и решил просить без всяких отлагательств руки Анны Болейн. Славное имя предков и мое солидное положение в обществе ослепили ее надменного отца: он представил меня собравшимся вассалам в качестве жениха своей прекрасной дочери. Не забыть мне, Гарри, этих блаженных дней! Анна Болейн казалась мне еще очаровательнее в уединении древнего родового поместья, куда ее отец после нашей помолвки разрешил мне являться на правах родственника; когда она входила в темные залы замка, мне казалось, старик, что они наполняются ослепительным светом; когда зной спадал и сменялся вечерней прохладой, мы садились на скамью в тени дубов, недалеко от старого замка; его серые башни казались величавыми на фоне темнеющего неба; воздух

наполнялся благоуханием множества растений и цветов, ящерицы скользили по раскаленным камням высокого крыльца и прятались в расщелинах, поросших травой. Птицы весело пели, а я сидел и слушал, как очарованный, сладкие речи Анны и ее нежные клятвы в вечной любви. Ночь спускалась на землю: с колоколен церковей окрестных деревень разносился далеко тихий и мерный благовест, и уста моей милой, ненаглядной невесты произносили набожно вечернюю молитву. Мрак становился гуще и тишина торжественнее, я не мог уже видеть нежное личико Анны, и только ее платье белело в темноте... Ты не в силах понять, насколько тяжелы эти воспоминания! Упоительно время нашей золотой молодости, когда мы верим в счастье, но оно пролетает слишком быстро! И мое счастье, Гарри, постигла та же участь!.. Но кому не известно, чем закончилось мое сватовство? К чему вспоминать те страшные дни, когда в Анне Болейн вдруг заглохли все лучшие чувства, и она нашла в браке с английским королем не власть, а цепи рабства! Ее родной отец, уступая корысти и тщеславию, благословил ее на этот страшный шаг... Бессердечная мать примирилась охотно с ее позором ради громкого титула и пышности, за которой попытались скрыть двусмысленное положение дочери, а младшая сестра взирала с чувством зависти на бесславие старшей! Какое сцепление пороков! Кто в силах описать такое? Подобные события не печалят, но заставляют негодовать, что и происходило со мной в течение многих лет. Но все прошло, и я уже могу молиться за нее. Пусть смеются философы, но я знаю по опыту, что в душе человека существует, помимо дружбы и любви, загадочное чувство, которое нельзя описать: в нем нет ни ревности, ни непостоянства, присущего нашим чувствам; нет земной грязи, эгоистических порывов и желаний; две души как бы сливаются в одну, так что готовы делить и горе, и радость, и позор. Вот чувство, с которым я буду относиться к Анне Болейн до конца моей жизни! Если бы ты спросил, Гарри, почему я живу этим, я бы ответил – не знаю! Кто может читать в нашем сердце? За что, например, мать любит свое дитя? Почему она умирает от горя, потеряв его? Почему даже птица тоскует без своего друга? Я знаю, что подобное чувство испытывают даже неразумные создания. Я помню до сих пор, как в замок принесли пару горлинок; их посадили в клетку, и они легко свыклись с жизнью в неволе; они быстро росли, и их темные перья стали длинными и блестящими; не испытав блаженства вольной жизни, птицы клевали корм и были совершенно довольны. Но как-то летним днем, когда обе они прыгали беззаботно по жердочкам, одна из них упала и повредила ножку; не прошло и двух часов, как она умерла; ее тотчас убрали и присматривали за оставшейся гораздо внимательнее; но птица захирела, перестала клевать корм и вскоре умерла. Скажи мне теперь, Гарри, чем это объяснить? Я бы не мог ответить, точно так же, как и ты, на подобный вопрос, но я уверен, что птицы были связаны неразрывной связью и имели одну общую душу. Ты поймешь теперь, Гарри, почему я всегда на заходе солнца иду, заслышав благовест, в наш деревенский храм. Войдя под его древние своды, я пробираюсь в темный угол и, в то время как аббат совершает вечерний обряд богослужения, склоняю смиренно колени перед Господом и молюсь за нее. Когда нищий появляется у этого замка, завидуя, конечно, по простоте душевной счастью его владельца, я кладу ему в руку щедрую милостыню, и когда его бледное, изнуренное горем и нуждой лицо загорается ярким румянцем, я говорю ему: «Моли Бога за ту, от имени которой я одарил тебя, моли, чтобы Он простил ей все прегрешения!» Нужно признать, Гарри, что положение Анны действительно печально: в этом обширном мире один я принимал в ней сердечное участие, все же вообще настроены против нее враждебно; все проклинают ее имя; все считают ее виновницей роковых несчастий. Кровь неповинных жертв вопиет о возмездии; ответственность за казнь епископа Рочестерского, а еще того более за казнь Томаса Мора возлагается всеми на королеву, а она забыла в водовороте пышных и непрерывных празднеств, что ни один из нас не уйдет от суда Всемогущего Бога!

– Ни один, это верно, – сказал бесстрастно Гарри, придвигаясь к огню. – А она, королева, сделала и нам тоже немало зла! Я и шага не могу ступить из замка без того, чтобы кто-нибудь из ваших вассалов не подошел с вопросом: «Как здоровье милорда?» или: «Есть ли надежда,

что милорду наскучит жить затворником в замке?» Иные же, прости Господи, я готов иногда разорвать их на части, качают головой, как будто сомневаются в вашем рассудке! Как хотите, милорд, а ведь это обидно старому слуге.

– Бедный Гарри! – сказал с состраданием граф. – Так они говорят тебе, что я сошел с ума?

– Нет! Они не осмелятся сказать такую дерзость! – воскликнул гневно Гарри, побледнев при мысли об этом.

– Почему же нет? – спросил с улыбкой Перси.

– И вы мне задаете такой вопрос, милорд?

– Ну перестань сердиться! Люди вообще так мелочны, что придают значение даже пустой фантазии, которая взбредет в голову их соседу!

– Их соседу, милорд? – проговорил старик с насмешливой улыбкой. – Вы могли бы сказать: «Их господину!» Вассалы должны видеть в вас своего повелителя и покровителя! Я только повторяю то, что слышал не раз от нашего аббата, когда он объяснял обязанности господина по отношению к вассалам.

– Аббат говорит дело, – перебил Генри Перси, – и я тебе признателен за то, что ты напомнил мне об этом. Но мне кажется, Гарри, – продолжал он задумчиво после минутной паузы, – что я выполнял эти обязанности. Вассалы мои пользуются всеми благами мирной, обеспеченной жизни... Они ограждены от всяких притеснений... Я делаю для них все, что могу!..

– Все это так, милорд, – продолжал в том же тоне непреклонный старик, – но вы еще обязаны заботиться о том, чтобы интересы их не расходились с вашими. Я предан вам всей душой, вы это сами знаете, я могу сказать вам то, что считаю нужным, и вас не оскорбит моя откровенность.

– Ты можешь говорить все, что тебе угодно, – сказал Нортумберленд. – Мне даже часто кажется, что не я, а ты, Гарри, владелец замка!

– Думайте что хотите! Я говорил вам, кажется, уже не раз, милорд, что я был в невозвратные времена моей молодости самолюбив и пылок. Следуя неотлучно за вашим благородным и отважным родителем в блистательных походах, стяжавших ему славу, я пристрастился к шуму и волнениям битв. Раз... это было осенью, в сырой ненастный вечер... наше войско спустилось после кровопролитного и упорного боя в широкую долину. Ночь уже наступила, и все небо закрыла темная туча. Ваш отец отдыхал под холщовой палаткой на пуховых подушках; мы же, грешные люди, стояли под проливным дождем; мы не ели весь день и не могли рассчитывать и на минутный отдых в этом топком болоте. Прогрогнув до костей, я печально поглядывал на звездочки, мелькавшие из-за туч, и думал: «Отчего одним людям живется хорошо и привольно, а другим суждено страдать и любоваться на чужое счастье?» Не сердитесь, милорд!.. Мало ли какие мысли заползают в башку голодным и холодным!

– Продолжай, – сказал Перси.

– Итак, я против воли задавался вопросом: почему у одних целые груды золота, а другие нуждаются в хлебе насущном?

– Ну и нашел ты ответ, старик? – спросил лорд с любопытством.

Он и сам не раз был, разумеется, морально, в положении Гарри и завидовал людям, жизнь которых проходила без борьбы и тревог.

– Да, – отвечал с уверенностью Гарри. – Господь создал богатых и бедных для того, чтобы люди помогали друг другу и не жили бы порознь. Ваш отец, например, нуждался в моей преданности, я же в свою очередь не мог ничего сделать без его покровительства; если бы все были знатны, богаты, умны и избавлены от всяких притеснений, то каждый стал бы жить для себя, и благодарность, преданность, взаимная поддержка – все, что роднит и связывает нас, стали бы совершенно лишними.

С той поры, милорд, я решил довольствоваться тем скромным положением, которое Господь избрал для меня в жизни, но это не мешает мне думать, как и прежде, что знатным и богатым не следует чураться неимущих и слабых.

– То, что ты сказал, великая, непреложная истина, но ты судишь меня чересчур строго, Гарри! – отвечал Генри Перси. – Я всегда исполнял свой долг и сочувствовал всем, за кого должен отвечать перед Богом. Ты ведь знаешь и сам, что я о них забочусь и поступаю с ними по справедливости!.. Я только не хочу, чтобы ты и они имели притязания на мои чувства к другим людям.

– А все-таки, – заметил Гарри с назойливым упорством большинства стариков, – все мы были бы счастливее, если бы вы были семейным человеком!

– И я первый из всех, – прошептал Генри Перси.

Что-то похожее на светлую слезинку мелькнуло и исчезло в его черных глазах.

– Неужели, – с горечью промолвил он после недолгой паузы, – ты считаешь меня обязанным сделать для вашей выгоды то, что я не делаю для себя самого?

– Как знать! – воскликнул Гарри, любивший бесполезные и пространные прения. – На такие вопросы сразу не отвечают!

– Полно спорить, старик! Выпей лучше вина, – сказал с улыбкой Перси.

– С удовольствием, милорд, но не из этой чаши!..

Он взял с буфета кубок из оленьего рога с золотым ободком и подал его графу.

Лорд наполнил его почти до краев.

– Довольно! – сказал Гарри.

– Не скромничай, старик! Ты выпивал гораздо больше, когда летел в сражение вслед за моим отцом!

– Вы ошибаетесь! – возразил Гарри с большим воодушевлением. – Я вел самую строгую и воздержанную жизнь! О, милорд, это было благодатное время, мне его не забыть! Все радости – ничто в сравнении с минутой, когда войско вступает в покорившийся город под громкие звуки труб и бой барабанов! Везде толпы народа, из всех окон выглядывают любопытные лица, все ликует и движется, офицеры гарцуют на боевых конях, знамена развеваются, а сердце так и рвется из груди! Милорд, в такие дни люди забывают про холод и жажду!

– А забывал ли ты в эти минуты, Гарри, о товарищах, которых потерял в сражении, и о тех людях, которых убил?

– Их жаль, душевно жаль! Но что же делать? Каждому свой черед: нынче мне, завтра вам! Люди не вечны... Все мы, грешные, смертны.

– К счастью, да, – со вздохом сказал Перси.

Глава II

Екатерина Арагонская

Английской город Кимблтон раскинулся на склоне зеленого холма, от подножия которого тянулась огромная плодородная равнина, испещренная быстрыми и светлыми ручьями. Население этой благословенной местности занималось исключительно обработкой земли да еще овцеводством; красильное искусство доведено было почти до совершенства, и пурпурный цвет одежды местных женщин придавал красоте их еще больше блеска.

Нрав у жителей был мирный, и никакие смуты не нарушали покой в этом укромном уголке. Кимблтон считался едва ли не самым непопулярным и отдаленным городом Старой Англии, и, когда на политической арене происходили события, привлекавшие всеобщий интерес, он принимал в них только пассивное участие.

Живя без смут, крамол, интриг, мирные обыватели понятия не имели не только о дворцовых нравах, но и об особе своего короля. Совершенно довольные своей скромной долей, они считали, что обязаны ему своим благоденствием, и только предписания о взносе податей, вывешиваемые изредка в самых людных местах администрацией, напоминали им о том, что повелитель Англии – король Генрих VIII.

Настал, однако, день, когда в тихом Кимблтоне обнаружили признаки всеобщего смятения; горожане суетливо сновали по улицам, дома гудели от шумных, оживленных толков, и женщины были сильно взволнованы и словно обижены.

– Королева!.. В Кимблтоне? – восклицали одни с состраданием.

– Да, кто бы мог подумать, – говорили другие, – что она, Екатерина, супруга короля и королева Англии, переселится когда-нибудь в Кимблтон?

– Королева? – допытывались изумленные девушки. – Она, верно, красавица!.. Король приедет, верно, тоже скоро в Кимблтон?

– Зачем ему Кимблтон? – возражали с негодованием женщины. – Он развелся со своей законной женой и вступил в брак с другой!.. Но первая была и будет английской королевой, а вторая останется, что там ни говори, просто наложницей!..

– Чего вы расшумелись? – унимали мужчины расходившихся женщин. – Нам ли судить нашего короля?

Негодование женщин усилилось от этих замечаний.

– А почему же и не нам? – возражали они. – Королева останется законной женой, пока она жива, но она так слаба, худа и бледна, что ей не перенести такого испытания!

Но время, примиряющее бедное человечество с любым положением, усмирило и бурю негодования, вызванную в мирном городке приездом королевы; сострадание к ней было, как и прежде, глубоко и сердечно, но оно проявлялось менее эмоционально.

Королева жила в уединенном домике. Она была больна и телом и душой, но никогда не жаловалась. Когда она входила по воскресеньям в церковь, горожане почтительно расступались, и она принимала эту дань уважения с той мягкой благосклонной и обворожительно-приветливой улыбкой, которая, бывало, вызывала восторженные и радостные крики у народа, когда она появлялась на роскошных празднествах, окруженная разодетыми придворными, во всем очаровании красоты и блеске власти. Но счастье переменчиво, и теперь королева Англии одна, без свиты, шла в церковь по извилистым улицам, нередко спотыкаясь о камни жалкой городской мостовой; иногда у нее не хватало сил дойти от домика до церкви.

Прошло уже несколько дней, как никто не встречал Екатерину на улицах, но это не привлекало внимания обывателей. Была в разгаре страда, все уходило в поле еще до восхода солнца

и возвращались к ночи, разбитые от усталости; городские события в это время никого не интересовали.

Время близилось к полудню. Огонь в очагах уже давно погас, дети уgomонились и спали крепким сном после сытного завтрака, а пожилые женщины, не ходившие в поле, прикрыли все ставни и сели кто за прялку, кто за плетение кружев; улицы опустели, в городе воцарилась тишина, и человек заезжий легко мог счесть его вымершим.

Такая же тишина была в доме, где жила Екатерина. Королева спустилась со второго этажа и медленно шла к выходу. Она была одета в шитое серебром темно-красное платье – богатое, но уже изношенное. Королева несла плетеную корзинку с клубками шерсти различных цветов и вязальными спицами; она шла, опираясь на молодую девушку с чрезвычайно нежным, симпатичным лицом, исполнявшую при ней обязанности служанки.

– Вы сегодня заметно свежее, ваше величество! – промолвила девушка, не отрывая глаз от лица королевы.

– Напротив, – печально возразила Екатерина, – я сегодня слабее, чем была в эти дни, и опираюсь на плечо твое слишком бесцеремонно, так что даже боюсь...

– Нет, – перебила девушка, – опирайтесь сильнее! Я молода, здорова и готова отдать вам половину своих сил и здоровья!

Девушка подняла на королеву прекрасные, голубые как небо глаза, во взгляде этом читалось уважение, нежность, живое сострадание. Видно было, что девушка испытывала к королеве не только почтение, но и была привязана к ней. Отбросив со лба великолепные светлорусые волосы, она быстро открыла дверь небольшой столовой, выходящую в сад; но, когда яркий свет полуденного солнца озарил фигуру королевы и ее исхудалое и бледное лицо, глаза девушки выразили глубокую тревогу.

– Я вижу, что вам хуже! – заметила она. – Я принесу вам кресло, вы будете сидеть, а я стану работать!

– С удовольствием, Элиа, – сказала королева. – Я чувствую сегодня такой упадок сил, что не могу ходить.

Элиа побежала, проворная, как птичка, и принесла глубокое соломенное кресло, захватив при этом и подушку. По губам королевы промелькнула улыбка.

– Ты была бы искусным декоратором, Элиа! – произнесла она.

– Я готова сделаться всем на свете, лишь бы вам было удобно и покойно.

Девушка пододвинула кресло к стене, увитой снизу доверху виноградом, и, заботливо усадив в него больную, села у ее ног на густую траву.

– Посмотрите! – сказала она, указывая на дальний конец сада. – Я посадила там много фиалок: я думала, вы полюбуетесь ими.

– Благодарю тебя, Элиа! Я увижу их завтра, если мне будет лучше!

– Мне обещали прелестный белый розан с алой сердцевинкой. Я его посажу под вашим окном; у меня будут к осени семена всех цветов, мне их обещали дать... Очень грустно, что у меня нет средств!.. – проговорила девушка, надув алые губки. – Будь у меня деньги, я бы сумела так украсить этот садик, что вы бы не узнали его!

– И ты полагаешь, что из него вышло бы восьмое чудо света? – спросила королева.

– Нет, – отвечала тихо и задумчиво девушка. – Но он бы стал хорошеньким, уютным уголком. Я вполне сознаю, что все это выглядит жалко после той роскоши, к которой вы привыкли! Мне не раз рассказывали о Гринвичском дворце и его садах...

– Не напоминай мне о прошлом, дитя! – сказала королева. – У меня и без того тяжело на душе! Я так страстно желаю увидеть мою дочь... но мне снова откажут в этом великом счастье. Страшно подумать, Элиа, что я не видела ее уже несколько лет и что на все мои просьбы хоть взглянуть на это дорогое и милое создание нет ответа. Ты упомянула о Гринвичских садах!.. Она бегала в них – беленькая, веселенькая и легкая, как птичка, и садилась потом, как ты, у

моих ног; русые кудри спадали ей на плечи, а я гладила с нежностью и гордостью эти чудесные волосы!..

– Так вы любите дочь свою больше всего на свете? – спросила резко Элиа, и даже человек не совсем проницательный подметил бы в тоне ее ревность.

– Люблю ли я ее? Какой странный вопрос! – сказала королева. – Она – моя жизнь, хотя жизнь эта быстро клонится к закату; она – моя надежда, хотя мои надежды опали, как лепестки увядшего цветка!.. Все чувства меняются, Элиа, но только не это; оно крепнет с годами, вмещая в себя и сочувствие, и терпимость, и готовность на всевозможные жертвы. Нет, Всевышний вложил частицу Своей любви в материнскую любовь, и когда наступает торжественный момент расставания с жизнью, отец и мать поднимают с усилием руку, чтобы благословить в последний раз детей.

Королева была не в силах продолжать; ей стало трудно дышать; она плотно прижалась к высокой спинке кресла и закрыла глаза. Но не прошло и минуты, как рыдания Элиа заставили ее изменить позу.

– Что с тобой, дитя? – спросила Екатерина с очевидной тревогой.

– У меня никогда не было матери, – отвечала девушка, – и я почти свыклась с отрадной мыслью, что вы замените ее... Когда вы засыпали, я садилась возле вашей постели и невольно думала: «Это не королева. Она бедна так же, как и я; у нее, как и у меня, нет никого на свете. Если бы она нуждалась в хлебе насущном, я сумела бы добыть его и поделиться с нею, но у нее есть средства на пропитание, и мне остается только любить ее с беспредельной преданностью!» Вы постоянно говорите о дочери, но я ее не знаю, а любить незнакомого человека едва ли возможно. Неужели вы думаете, что, живя в сиротском приюте, я не знала, что обязана вам всем? Я была привязана к вам уже в те далекие времена, когда вы приезжали в приют в белом атласном платье, подбитом горностаем, ослепляя блеском бриллиантов. Вы скрывали от нас, что мы, дети, существуем только благодаря вашим заботам, но это открылось помимо вашей воли. Когда вы потеряли власть в королевстве, нас выгнали на улицу, не заботясь о том, что у нас нет ни крова, ни хлеба насущного; я оказалась счастливее других: мне представился случай добраться до Кимблтона. Когда я пришла к вам в этот маленький домик и вы согласились взять меня в услужение, вы спросили: «Скажи, милая, сколько бы ты желала получать за свой труд?» Я уже готова была сказать вам: «Мне ничего не нужно!», но рассудок подсказывал мне, что вы не захотите принять меня в свой дом на подобных условиях, и я ответила: «Один фунт в месяц». Вы, конечно, не знали, что я испытывала, когда получала от вас это скромное жалование! Ведь вы могли подумать, что мною руководит корысть, а я, не задумываясь, отдала бы за вас жизнь!

Рыдания мешали девушке говорить.

– Ты совершенно права! – сказала королева, тронутая печалью и преданностью Элиа. – Когда ты явилась с предложением услуг, я действительно подумала, что видела тебя когда-то прежде!.. Зачем ты скрыла это? С той поры все изменилось, я столько пережила и передумала...

– Что вам, естественно, было не до меня! – dokonчила девушка с горечью.

– Ты упрекаешь меня? Но, насколько помню, я никогда не обидела тебя ни словом, ни поступком.

– Никогда! – воскликнула с воодушевлением девушка. – Но объясните мне, кто была моя мать?

– Я не могу ответить на подобный вопрос: ее имя, дитя мое, известно только Богу... В Лондоне на самых людных улицах часто находили подкинутых младенцев, и... я делала все, что от меня зависело, для этих беспомощных и несчастных созданий. Больше я ничего не могу сказать, Элиа!..

– Так и меня нашли на улице?

Королева хранила молчание.

– Вы не отвечаете, – продолжала все так же пылко девушка, – но вы не отрицаете, что нашли меня на улице, что вы дали мне кров, одежду, пищу и даже позаботились, насколько можно, о моем образовании. Кого же мне считать матерью? Разумеется, вас! Кому я обязана всем? Исключительно вам!

Уступая порыву, Элиа обвила обеими руками стройный стан Екатерины.

– Никто в мире не посмеет разлучить меня с вами! – воскликнула она. – Мне нет дела до вашего королевского звания, я обязана вам настоящим и будущим, я буду вас любить помимо вашей воли, я готова мести улицы и таскать камни, лишь бы вы могли жить спокойно и не испытывать лишений.

Печальная улыбка промелькнула по лицу королевы; притянув к себе девушку, она поцеловала ее в лоб.

– Так скажите же мне, что я имею право считать вас матерью! – настаивала Элиа, держа в руках мелкие коралловые четки, прикрепленные к пряжке кушака королевы. – Дайте честное слово, что с этого дня вы не станете платить мне деньги и что я постоянно буду жить при вас.

– Я даю тебе слово, – сказала королева, – но ведь ты видишь, что судьба против нас: я слабею чуть ли не с каждым днем; на прошлой неделе я могла добраться до места, где, по твоим словам, теперь цветут фиалки, а сегодня я не в силах пройти и двух шагов; пройдет некоторое время, и меня похоронят на Кимблтонском кладбище!

– Нет, вы будете жить! Вам нельзя умирать! – перебила ее встревоженная девушка. – Господь послал мне мать не для того, чтобы взять ее обратно!

– Да, но смерть не разлучит верующих в Господа: она не помешает мне молиться за тебя! И когда я уйду от земных испытаний, ты должна будешь передать моей дочери прощальный привет, и она позаботится о тебе!

– Если вас не станет, – проговорила девушка с невольным содроганием, – я буду странствовать, не ведая утром, где мне придется преклонить голову вечером. Случалось ли вам видеть отставшую собаку? Она рыщет по улицам, отыскивая след своего господина: в первое время она еще не чуждается людей; но дни идут за днями, хозяина нет, и собака становится свирепой и дикой; со мной будет то же, что с бродячей собакой!..

– Я надеюсь, дитя мое, что ничего подобного не случится, – заметила спокойно и строго королева. – Я верю от души, что ты займешь иное положение в жизни, и сделаю все от меня зависящее!

Элиа промолчала. Две слезинки скатились с ее длинных ресниц.

Глава III

Виндзор

В Виндзоре, летней королевской резиденции, находившейся в нескольких милях от Лондона, царило необычайное оживление: в обширный двор один за другим въезжали огромные фургоны, наполненные кладью, а слуги выгружали ее и вносили во дворец.

На королевской кухне тоже кипела работа; главные повара с чувством собственного достоинства отдавали приказы, и вокруг них вился целый рой поварят.

В королевских покоях было не менее шумно. Обойщики, взобравшись на высокие лестницы, драпировали окна ярким и дорогим бархатом, прислуга расстилала роскошные ковры и наполняла вазы букетами живых душистых цветов. Зимний холод сменился теплом наступающей весны; обширные сады Виндзорского дворца оделись яркой зеленью; чащи густых лесов, опоясывавших местность, огласились веселым щебетанием птиц, беготней резвых ланей и воркованием горлинок, вивших себе гнезда в ветвях старых дубов.

Широкая терраса Виндзорского дворца спускалась прямо к величественной Темзе; на большой круглой башне, которая возвышалась над всеми бельведерами и маленькими башнями, развевался английский национальный флаг; королевский дворец был обнесен валом, его входы и выходы охраняла стража, и король мог спать совершенно спокойно на своем пышном ложе.

Но какие бы блага ни предоставила жизнь немногим избранным, они не могли заглушить голос совести: он перекрывает звуки веселой бальной музыки, шум застольных разговоров, держит в напряжении рассудок, мешая найти хоть на время спокойствие и забвение. Совесть повторяет непрестанно роковые слова: «Дни нечестивого сочтены!»

Преследуемый мрачными и грозными видениями, король Генрих VIII, супруг Анны Болейн, перебрался поспешно из Лондона в Виндзор.

Он окинул рассеянным взглядом прекрасные сады, окружавшие это летнее прелестное убежище; проходя через двор, он отвернулся, чтобы не видеть богато и изящно отделанной часовни Святого Георгия – места его погребения; он вдруг подумал, что под ней уже вырыта глубокая могила; наступает неминуемо, и, может быть, очень скоро, то роковое время, когда в эту могилу опустят тяжелый гроб, обитый черным бархатом с вышитыми на нем блестящими гербами Тюдоров, и холодным останкам, лежащим в этом гробу, воздадут последний раз королевские почести, чтобы предоставить их потом тлению! Он слегка побледнел и ускорил шаги.

Минуты через две Генрих VIII уже сидел в своей роскошной спальне; у его ног лежали две большие собаки; яркий солнечный свет смягчали шелковые шторы, искусно разрисованные букетами и птицами всевозможных пород; свежий чистый воздух, пропитанный душистыми испарениями, наполнял комнату.

Король был явно печален и расстроен.

– Я думал найти здесь покой и отдых, – прошептал он с унынием, – но ничуть не бывало: Лондон переселился вместе со мной в Виндзор. Я уже успел заметить на одном из фургонов герб милорда Кромвеля... графа Эссекского... и главного викария всех церквей королевства... этого антиримлянина и антихристианина... нахального грабителя с четырьмя, нет, что я говорю, с тысячью рук, с тысячью карманов, с тысячью мошеннических непостижимых фокусов... негодя и выскочку, наделенного, кроме того, счастливой способностью поглощать груды золота, не подавившись им... Интригана, задавшегося целью нажить себе богатство на тот случай, если я сокрошу его и втопчу в грязь, из которой он вышел! И как это случилось, что я сделал его моим первым министром и, помимо того, еще графом Эссекским, что на гербе

его теперь военные доспехи и он самое важное, могущественное, влиятельное лицо после моей особы!.. Не грезятся ли мне такие чудеса? Нет, тысяча проклятий, это истина!

Генрих VIII ударил себя с негодованием в лоб, и по лицу его пробежала какая-то тень.

– Ах, как бы я желал вылезти из своей шкуры! – воскликнул он внезапно после короткой паузы. – Скука душит меня. А я вообразил, что вздохну свободнее в Виндзоре! Эта рана, открывшаяся у меня на ноге, не дает мне покоя, и она, без сомнения, сведет меня в могилу.

Король невольно провел рукой по ноге.

– Сверху бархат и пряжка, униженная жемчугом и крупными бриллиантами, а под ними – клочок ветхого полотна, весь пропитанный черной, испорченной кровью! Язва не поддается никаким врачеваниям и идет вглубь – скоро обнажится кость! Нет, тысяча чертей!.. Я не позволю Екатерине увидеть хоть на минуту дочь.

Король небрежно вынул из левого кармана измятое письмо, написанное, по-видимому, не совсем твердым почерком, и посмотрел внимательно на адрес и на подпись.

– Она опять подписывается: «Ваша жена». Экая упрямица! Ведь я не двоеженец! Нет, я не дам ей увидеться с дочерью: она вполне способна подогреть в ней врожденную склонность к властолюбию. А она намекает на моего преемника!.. Но рана – это еще не смертельная болезнь!.. Я могу прожить годы, если буду относиться к ней с надлежащим вниманием.

Король схватил сонетку и позвонил.

За тяжелой портьерой, маскирующей дверь, послышались шаги; вошел молодой паж и молча поклонился своему повелителю.

– Приехал ли Клемент? – спросил Генрих VIII.

– Он здесь, ваше величество, и просил доложить, что он явится к вам, как только освободится.

– Освободится? – повторил с неспритворным изумлением король.

– Да, будьте снисходительны к нему, ваше величество, – произнес робко паж. – Мастеровой, работавший в гостиной королевы, упал с высокой лестницы, и доктор оказывает ему помощь.

Король нахмурил брови.

– Клемент не подчиняется придворным правилам и презирает лесть! – проворчал он сквозь зубы. – Черт бы их всех побрал! Их присутствие наводит на меня нестерпимую скуку, а как только их нет – в них появляется надобность. Нужно прожить тысячу лет, чтобы избавиться от разных неудобств!.. Вот наконец и доктор!

Действительно, за дверью послышались шаги, и в комнату вошел главный придворный медик.

– Вам угодно было призвать меня, ваше величество, и я поспешил явиться, – произнес он почтительно.

– Вы спешили, но не очень! – сказал резко король.

– Прошу вас извинить меня за это промедление: один мастеровой упал и получил жестокие ушибы, бедняга сильно страдал.

– А я не страдаю?

– Вы, конечно, страдаете, – торопливо ответил доктор, – но я все-таки думаю, что все ваши страдания – ничто перед страданиями этого горемыки.

– И вы вполне уверены, что не ошибаетесь?

– Я от всей души желаю, чтобы это было истиной, – ответил мягко врач.

– Bravo, bravo, мистер Клемент! Вы сегодня любезнее, чем обычно!

– Ваш комплимент не лестен, и вашему величеству следовало бы оставить меня при госпитале; я, право, не гожусь на роль придворного врача, и вы знаете это точно так же, как я. Я говорил вам об этом уже несколько раз.

– Да, говорили, клянусь святым Георгием! – сказал с сердцем король. – И потому я не могу проникнуть в ваши мысли. Вы скрытны, несмотря на кажущуюся открытость! Вы, например, хотите вернуться в госпиталь, хотя знаете, что я ежеминутно нуждаюсь в вашей помощи!

– Вот я и стою перед вашим величеством с душевной готовностью служить вам чем могу! – сказал полушутя-полупечально доктор, скрестив на груди руки.

– Клемент, эта рана не дает мне покоя! – проговорил король.

– А вы, ваше величество, приложили тот пластырь, который я вчера приготовил для вас?

– Приложил, разумеется!

– В таком случае нужно подождать, когда он начнет действовать.

– Ждать, только ждать! – воскликнул с нетерпением и досадой король. – А скажите, Клемент, сколько в вашем госпитале мест?

– Я уже раз пятьдесят имел честь вам докладывать, что у нас двести коек, не считая шестидесяти, устроенных недавно королевой Екатериной, – ответил ему доктор с невозмутимым видом.

«А ее продолжают величать королевой», – подумал с озлоблением король, а вслух сказал:

– Как это недавно? Ведь с той поры прошло почти двенадцать лет?

– Ну да, ваше величество, и если я говорю «недавно», то потому, что вот уже сорок лет как служу в госпитале Святого Томаса. Здоровье королевы, то есть принцессы Галльской, – поспешил он добавить, – находится, как слышно, в печальном положении, и я был бы вам много и много благодарен, если бы вы позволили мне поехать в Кимболтон!..

– Я убежден, что вы бы собрались навестить Екатерину скорее, чем явились ко мне.

– Но я, ваше величество, пришел в ту же минуту.

– Да, когда вы сочли, что свободны. Но довольно. Раз вы всегда проявляете сочувствие к королевам, то скажите мне кстати, какого вы мнения об Анне Болейн?

Старый врач рассмеялся.

– Что вы, ваше величество! – отвечал он веселым и добродушным тоном. – Да разве я осмелюсь высказывать суждение о моей повелительнице? Ведь это то же самое, что подставить голову под удар топора! Я не настолько глуп, чтобы позволить себе подобную дерзость.

– Без шуток и без вольностей! – крикнул гневно король, устремив на врача сверкающий взор. – Я позволяю их только в известной степени, да и то не сегодня, примите это к сведению! Я требую, чтобы вы объяснили мне, какое впечатление производят на вас поступки королевы?

Доктор сразу понял, что разговор принимает весьма скверный оборот.

– Меня удивляет приказ вашего величества... Я не могу понять... – сказал он нерешительно.

– И я, месьсир Клемент, тоже должен признаться, что не понимаю вашего удивления! Мне отлично известно, что вы были недавно на тайном совещании у королевы Анны.

– Это ложь! – отрывисто произнес Клемент. – И тот, кто сообщил вам такую небывальщину, презренный клеветник!

– Но Анна тем не менее присылала за вами и спрашивала, сколько мне осталось жить?..

– Повторяю опять: это наглая ложь! – отвечал старый врач с негодованием.

– Вы, верно, и в самом деле думаете, что у меня нет глаз! – воскликнул, задыхаясь от бешенства, король Генрих VIII. – Вы, верно, воображаете, что я не замечаю гнусного поведения Анны Болейн и толпы поклонников, которых привлекают ее непринужденные и вольные манеры! Или вы полагаете, что я дам опозорить свое имя и звание женщине, которую возвел на престол и которая была до того лишь смиренной верноподданной? Если я надел на нее королевскую корону, то не затем, конечно, чтобы она позволила себе омрачить ее блеск; если я дал ей скипетр, то не затем, чтобы она втоптала его в прах!

– Этот скипетр тяжел для таких нежных рук! Его в силах удержать только женщины королевского рода! – произнес старый доктор сурово, обнаружив все свои симпатии и убеждения.

Благородный старик не мог свыкнуться с мыслью, что скипетр перешел из рук Екатерины, дочери короля, в руки Анны Болейн.

– Ваш ответ равносителен прямому порицанию моих распоряжений, – заметил вскользь король.

– Зачем вы меня спрашиваете? – ответил старый доктор, проклиная в душе свою неосторожность.

– Затем, сэр Клемент, – сказал король с угрозой, – что я спрашивал вас не о том, что мне следует или не следует делать...

Доктор стоял и слушал, не поднимая глаз.

– Я требую от вас, – продолжал повелительно и надменно король, – рассказать без утайки, что хотела узнать от вас Анна Болейн?

– Не знаю, – отвечал с нетерпением Клемент, – что хотела услышать от меня королева, так как она действительно присылала за мной, но знаю твердо, что я не был у нее!..

– А почему вы не были? – спросил Генрих VIII, взглянув на медика пристально и подозрительно.

– Потому что мне некогда ходить на совещания, где обсуждается состав румян или помады, – возразил старый доктор. – Королеве лучше обратиться к различным шарлатанам и своим камеристкам: они найдут цвет, который она хочет придать своим бровям, волосам и ногтям.

Король расхохотался, но веселость его была непродолжительна, и на лице вдруг появилось выражение презрения и даже отвращения.

– И эту женщину я возвел на престол! – сказал Генрих VIII с глухим негодованием. – Рассудите, Клемент, достойна ли она носить королевскую корону?

– Человека не переделать, – возразил старый доктор. – А королева Анна – хорошенькая женщина в полном смысле этого слова. И ничего более!

Но король не расслышал этого замечания.

– Другая, не такая тщеславная и мелочная и более достойная титула королевы, займет ее место! – проговорил он с угрозой. – Она не станет предметом всеобщих порицаний, не навлечет позор на мой трон и мое имя!

– Опять другая! – проговорил Клемент, но так тихо и робко, что сам не расслышал собственных слов.

– Итак, Анна Болейн присылает за вами исключительно для обсуждения состава румян или помады? – спросил его король.

– Приблизительно да, но она, кроме того, заставляла меня уже несколько раз смотреть вместе с другими, как наряжают кошку или чешут собаку и вообще тратить время на другие, не менее бессмысленные вещи.

– Мне с трудом верится, что Анна призывает вас для таких пустяков, – сказал сухо король. – Но так как вы решили быть скромным до конца, то знайте, сэр Клемент, что мне известно больше, чем воображают Анна и ее приверженцы! Агенты, на которых я могу положиться, следят за каждым шагом этой безмозглой куклы.

Он схватил руку доктора и сжал ее так сильно, что старик побледнел от боли.

– Осторожнее, ваше величество! – произнес он со стоном.

– Вы чересчур изнежены, – сказал колко король, – но вы не проявляете особенной чувствительности, когда перевязываете мою больную ногу.

Доктор не возражал на это замечание.

– Я уже несколько раз говорил вам, Клемент, и повторяю с таким же убеждением: Анна Болейн желает всем сердцем моей смерти; она надеется благодаря смазливому личику привлечь на свою сторону всех лордов королевства и управлять народом от имени заморыша,

который родился от нашего союза! И как я мог надеяться, что от подобной женщины может родиться сын?..

– Все эти обвинения чрезвычайно важны! – проворчал сэр Клемент, озадаченный откровенностью и пылкостью, с которой говорил в это утро король.

Как и все приверженцы изгнанной королевы, старый доктор считал семейство Болейн, не исключая Анны, способным на любые поступки и не стал возражать своему повелителю.

– Не далее чем вчера, – продолжал король с тем же негодованием, – она вдруг обратилась к одному из придворных юнцов и спросила шутливо, не хочет ли он обуться в сапоги мертвеца, то есть вступить с ней в брак после моей кончины? Несчастливая рассчитывает на эту рану! – воскликнул он с отчаянием. – Но если она случайно ошибется в расчете, то какое средство она выберет, чтобы скорее достичь своей заветной цели?

Старый врач побледнел, и лицо его выразило глубокую тревогу.

– У вашего величества есть преданные слуги, которые сумеют оградить вас от козней ваших тайных врагов! – отвечал он неровным, но решительным голосом.

– О, Клемент! – возразил взволнованный король. – Сколько принцев, имевших точно таких же преданных и неподкупных слуг, стали жертвами неожиданной насильственной смерти! Убийца заверял их в своей преданности в ту самую минуту, когда его кинжал наносил им смертельный удар; дружеская рука подносила им чашу с отравленным вином на оживленном пиру! Клемент, ты никогда не давал мне повода усомниться в тебе, ты меня не обманывал и не льстил мне! Я верю в твою честность, неподкупную преданность: присматривай же за ними! Я не дам прикоснуться к моей больной ноге ни одному врачу, кроме тебя. Мне надоела жизнь, но я буду отстаивать ее с отчаянным упорством. Если бы я мог пасть со славой в бою, я не стал бы жалеть ни о чем, что оставил на земле, даже о престоле; но умереть в засаде или от руки врага, который будет смеяться надо мной, наслаждаться моими предсмертными мучениями и оскорблять меня безнаказанно, который возьмет скипетр, стоящий около моей постели, и завладеет моей королевской короной, – это выше моих сил, мысль об этом отравляет мое существование! И когда эта женщина предлагает мне блюдо с моего же стола и смотрит на меня с веселой улыбкой, я только в редких случаях отвечаю согласием на такую любезность. Я смотрю подозрительно и на того, кто подает мне хлеб, и на того, кто подносит вино; я сажусь за обед иногда раньше, а иногда позже назначенного времени, но отлично знаю, что подобные меры – плохая гарантия, если враги мои действительно решили завладеть моим тронном!

Генрих VIII замолчал и откинулся на высокую спинку кресла, как будто обессилив после длинной и эмоциональной речи.

Но не прошло минуты, как он внезапно и стремительно вскочил с места.

– Клемент! – воскликнул он повелительным тоном. – Не смейте говорить никому о нашем разговоре! Да притом... почему знать? И вы тоже, быть может, принадлежите к партии моих тайных врагов?

Кровь прилила к сердцу старого доктора, и его всегда кроткое, спокойное лицо запылало от гнева.

– Ваше величество! – сказал он изменившимся голосом, изобличавшим силу его негодования. – Вы, верно, в лихорадке... Только этим я могу объяснить такое оскорбительное для меня заключение! Ваша жена, ваш врач, весь ваш придворный штат, не исключая этой бедной собаки, которая дремлет около кресла, вступили в общий заговор против вашей особы!

– Ну, извините, доктор, – проговорил чуть слышно сконфуженный король.

Он был втайне доволен гневом сэра Клемента, а еще того более пылающим румянцем, покрывшим бледное, спокойное лицо старого медика.

«Кровь никогда не лжет! – рассуждал подозрительный Генрих. – Язык может лукавить... Люди умеют плакать притворными слезами... Но кровь не подчиняется никаким приказаниям;

румянец вызывают только сильные чувства, но нельзя забывать, что человек краснеет иногда от стыда, от сознания своей страшной испорченности!»

– Сомнение – самый злой из бичей человечества! – воскликнул, уступая невольному порыву, раздраженный король.

Он подошел к кушетке, которая стояла на другом конце комнаты, и упал на нее так грузно и стремительно, что раздался довольно сильный треск.

Тогда доктор Клемент приблизился к нему и сказал с достоинством:

– Государь! Я лечил вашего уважаемого покойного родителя и вашу августейшую, благородную мать Елизавету Йоркскую; я присутствовал при кончине вашего деда. Я служил так же честно и вам, ваше величество. Я хотел служить вам до конца моей жизни, но одно ваше слово все перевернуло, и я клянусь своей совестью, что с этой минуты никогда не появлюсь во дворце!

Старик снял с шеи орден, данный ему за верную и усердную службу, и, положив его почитательно у ног своего повелителя, вышел медленным шагом из королевской спальни.

Генрих VIII молчал, и лицо его оставалось бесстрастным, но, когда доктор вышел, он произнес невнятно какое-то проклятие и оттолкнул носком своего сапога орден сэра Клемента.

Но вспышка гнева уступила место печальному раздумью.

– Я его заподозрил совершенно напрасно, – прошептал он уныло, – он один из всех был мне душевно предан; никакие сокровища не смогли бы заставить его поступить против совести; я могу обвинить его только в преувеличенной приверженности Екатерине! Он, как и все почитатели этой властолюбивой и надменной принцессы, не простил мне моего брака с Анной. Но я и сам, черт возьми, сознаю все безумие подобного союза!.. Эй, Клемент, вернись! – крикнул громко король.

Убедившись, что доктор не слышал его зова, Генрих VIII привстал и потянул порывисто и сердито сонетку. Паж быстро вошел в спальню.

– Сэр Клемент еще здесь? – спросил его король.

– Он только что уехал.

– А есть ли кто в приемной?

– О да, ваше величество, там находятся граф Кромвель Эссекский и испанский посланник!

– Как? Испанский посланник? Он уже опять здесь! – проговорил король с большим воодушевлением. – Пусть он ждет, если хочет, а мне хочется спать... Нет, впрочем, попроси ко мне графа Эссекского!

И Генрих лениво растянулся на кушетке.

Кромвель почитательно, но торопливо вошел в спальню. Худоба его и зловещий огонь, горевший во впалых и лживых глазах, привлекли в это утро более обычного внимание короля.

«Да, природа умеет метить ядовитых ехидн: их никогда не откормишь!» – подумал он невольно, посмотрев исподтишка на своего министра.

– Ну, что нового, граф? – спросил он вслух с добродушной шутливостью. – О чем вы толковали с посланником? Он явился, конечно, опять с просьбой Испанского двора улучшить по возможности участь принцессы Галльской?!

– Я даже заметил у него в кармане какой-то пакет: это, верно, прошение! – отвечал Кромвель, подражая шутливо-добродушному тону своего повелителя.

– Ну да, старая песня! – сказал Генрих VIII. – И я знаю заранее, что прочту в прошении неизменную фразу: «Имеем честь поставить еще раз на вид английскому монарху, что принцессе испанского королевского дома нельзя жить без слуг, без экипажа, в простом и бедном домике в отдаленном Кимблtone!» Они бы завопили еще сильнее, если бы этот домишко не был моей собственностью. Да и кто принуждал ее жить в этом захолустье? Разве я ей мешал вернуться в Испанию? Да, нечего сказать: тяжелую обузу взвалили вы мне на плечи!

– Я?! – воскликнул Кромвель не без испуга. – Но я, ваше величество, только выполнял ваши приказания!

– Так! – возразил король с язвительной насмешкой. – Позвольте же спросить, не эти ли советы нашептывал мне ваш лукавый язык? Уж не я ли придумал систему разрушения, к которой вы сумели склонить меня силой вашего красноречия?

– Но я, ваше величество... – начал было Кромвель.

– Пожалуйста, без «но»! – перебил повелительно и надменно король. – Не спорю, в казну мою поступило две-три пригоршни золота от всех наглых захватов, совершенных милордом графом Эссекским с моего разрешения, исторгнутого у меня помимо воли под предлогом поправить финансы королевства и вывести мой корабль в золотое море.

– За что вы оскорбляете меня, ваше величество? – проговорил Кромвель изменившимся голосом.

– Я говорю вам, граф, – перебил снова Генрих, наслаждаясь мучениями человека ему антипатичного, которого, однако, он считал невозможным удалить от себя, – и говорю, заметьте, с глубоким убеждением, что принятые меры обогатили только вашу особу! Начнем хотя бы с сокращения числа монастырей. Что мне это дало? Сущие пустяки, так как все поземельные церковные угодья достались лордам! Ведь только подкуп склонил их отречься от римско-католической церкви и признать меня папой! Но нельзя же отрицать, что сам сатана не дал бы за их души и сотой доли той суммы, за которую я купил их голоса! А сколько мне пришлось выделить вам как главному викарию моего королевства? Ведь доход с четырех богатейших епархий, земли дюжины упраздненных обителей, права, титулы, пенсии, ну одним словом, все, потому что вы были голы и ничтожны, как земляной червяк, и остались бы им, если бы я вас не вытащил из болота!..

Лицо Кромвеля вспыхнуло, он опустил глаза.

– Я ни на минуту не забываю о великих милостях, которыми вы удостоили меня, ваше величество! – произнес он почтительно.

– Ну еще бы! – воскликнул запальчиво король. – Вы и лорды всегда должны помнить, что я незаменим во многих отношениях, что вы сильны до тех пор, пока я этого хочу! Да, я слежу за всем, я проникаю в глубь человеческой мысли, я смело встречу любую опасность и смею не задумавшись неверного министра при первом доказательстве его недобросовестности!

Граф Эссекский не поднимал глаз, он был ужасно бледен; ему пришло на ум, что король собирается обвинить в измене и предать суду его и других лордов, которые горячо поддерживали его на заседаниях Совета. Милорд Кромвель не знал, на что ему решиться и что ответить на эти не совсем прямые обвинения; положение было довольно щекотливым; он решил молчать.

– А сколько возмутительных проступков и наглых грабежей, – продолжал мрачно Генрих, – которые навлекли на меня порицание народа, так как совершались, конечно, от моего имени. Чего только не придумывали! С икон снимали ризы, из обителей брали церковные сосуды под предлогом, что при их учреждении не соблюдены формальности закона! Подумаешь невольно: «Какой великолепный и святой человек этот милорд Кромвель!..» Хотелось бы только узнать, сколько денег вы заполучили от всех этих захватов. Да, нечего сказать, мы отважно вступили на путь нововведений, отринув католическую церковь... даже слишком отважно!

– Все, что я выслушал от вашего величества, удивляет меня в высочайшей степени! – промолвил граф Эссекский.

– Удивляет? – повторил с ядовитой усмешкой король. – Ну так что же? Удивление – неплохой путь к отступлению, да, нечего ответить! Скажите мне, каковы размеры вашего состояния! А, вы не знаете! Но я-то знаю лучше, чем вы. Запомните, милорд Кромвель, что я иду

на обман только в экстренных случаях, когда вижу в этом свою личную выгоду, и учтите: мое снисхождение покупается исключительно рабским повиновением моей железной воле!

– Я подчинялся ей без всяких оговорок не из боязни, но потому что глубоко и непритворно предан вам, – проговорил Кромвель.

Он вздохнул с облегчением, и лицо его приняло свое обычное невозмутимое выражение.

«Король еще нуждается в моем повиновении, а это доказывает, что я не впал в немилость!» – рассудил граф Эссекский.

– Посланник еще здесь? – спросил Генрих VIII.

– Да, он в приемной.

– Чего он добивается? Постарайтесь избавить меня от этого свидания!

– Это довольно трудно, – ответил граф Эссекский. – Он заявил, что намерен добиться аудиенции у вашего величества во что бы то ни стало, он и так уже жалуется на вашу недоступность.

– Какой он назойливый! – проговорил король. – Он будет опять говорить о Екатерине!

– Да, вероятно.

– Так введите его скорее! – вскричал Генрих VIII с нетерпением. – И внушите ему, что я сегодня чувствую себя не совсем хорошо и ему не следует испытывать мое терпение!

Кромвель вышел из комнаты, а король растянулся на подушках кушетки.

Глава IV

Король Генрих VIII и посланник Шапюис

– Ну-с, о чем вы хотели поговорить со мной? – спросил Генрих VIII вошедшего посланника.

– Я хотел, разумеется, прежде всего выразить вашему величеству чувство моего глубочайшего уважения, – отвечал Шапюис, подходя к королю со всем высокомерием истинного испанца. Его своеобразный национальный наряд из дорогого бархата с причудливыми вышивками ослеплял своей роскошью.

– Я не в силах смотреть без отвращения на эту пестроту! – проворчал король. – Каждый раз, когда я вижу перед собой испанца, мне приходит на ум, что я вижу дьявола! Я старался убедить Екатерину одеваться проще, но она продолжала следовать своей глупой национальной моде.

– Вы, по-видимому, чувствуете себя не совсем хорошо? – спросил Шапюис.

– Да, у меня немного болит голова... – отвечал сонно и нехотя король. – Но это пустяки, – поспешил он добавить, встревожившись при мысли, что его могут счесть больным. – Я устал от охоты, я пять часов провел в седле, а это, как хотите, довольно утомительно!

– Я желал от души застать ваше величество в полном здравии и в хорошем настроении духа, так как спешил явиться к вам с весьма радостной вестью...

– Какая же это весть? – спросил быстро король.

– Император Карл Пятый одержал новую блестящую победу: он взял штурмом Гулетту! Тунис сдался ему, Барбарусса бежал, и десять тысяч христианских семейств, попавших в неволю, получили свободу!

– Как? Он вступил в Тунис и овладел Гулеттой? – вскричал Генрих VIII, вскочив с кушетки.

– Да, император сделал это, – отвечал посланник, скрывая радость под маской адской невозмутимости.

– Ну, поздравляю вас, – сказал холодно Генрих, делая над собой громадное усилие, чтобы подавить досаду, вызванную известием об этом славном подвиге, и глубокую зависть к славе императора Карла. – Вы знаете, вероятно, подробности этих важных событий?

– К сожалению, нет. Мне известны пока только главные факты... Позвольте изложить их вашему величеству. Когда флот наш выступил из порта Калиори, командование им было поручено Антонио Дория, а сухопутные силы возглавил маркиз дю Гваста...

– Я все это знаю, рассказывайте дальше! – перебил король нетерпеливо.

Посланник помолчал и продолжал все тем же невозмутимым тоном:

– Несмотря на упорное сопротивление турок, запершихся в форте, и почти непрерывное нападение мавров на лагерь осаждающих, Гулетту взяли штурмом. В ней нашли триста пушек.

– Триста пушек? – воскликнул изумленный король.

– Испанцы овладели неприятельским флотом, и им досталось ровно восемнадцать кораблей. Узнав об этом громадном поражении, Барбарусса решил выступить из Туниса и дать нам бой. Когда стало очевидно, что испанцы побеждают, он решил вернуться и запереться в городе, но местные жители, спасавшиеся беспорядочным бегством, преградили ему дорогу, а христиане, пользуясь благоприятным случаем освободить себя от неволи и плена, успели в это время овладеть цитаделью. Барбарусса понял полную безвыходность своего положения и бежал в город Бонну.

– Да, нельзя отрицать, что смелость и находчивость христианских невольников оказали испанцам громадную услугу! – сказал с улыбкой Генрих, обрадованный случаем бросить тень на славу императора Карла.

– Все дело заключалось в успехе при Гулетте! – возразил посол. – Тунис слишком обширен, укрепления его недостаточно прочны, а его население состоит из людей разных национальностей. У Барбаруссы не было возможности выдержать осаду!

– Ну а на что рассчитывает мавританский султан, который шел все время за испанской армией с протянутой рукой? – спросил Генрих VIII с презрением.

– Мавританский султан никоим образом не унижался! – отвечал Шапюис. – Император отнесся к нему с уважением и вернул потерянный престол.

Король расхохотался, но это был принужденный смех.

– Как! Вы возвели на трон Мулей-Гассана? – воскликнул он насмешливо. – Вы заставили драться сицилийцев и немцев ради магометанина? В результате оказывается, что император Карл, руководствуясь желанием вернуть на престол этого неизвестного и ничтожного мавра, созвал под свои знамена весь цвет благородного испанского дворянства, что он ради него обратился к сокровищнице папы, призвал на помощь флот Генуэзской республики и самого известного из его адмиралов и предложил участвовать в предстоящем походе даже мальтийским рыцарям! Я начинаю думать, что ваши сообщения не более как шутка, но, право, эта шутка не остроумна!

Шапюис был оскорблен до глубины души.

– Император Карл Пятый, – отвечал он надменно, – позволяет себе смеяться и шутить только при своих победоносных войсках, это знает весь свет!..

– И я узнаю это, когда французский король завладеет Миланом! – заметил колко Генрих.

Он взглянул на посланника и сделал ему знак, что время аудиенции подошло к концу и что ему остается лишь выразить благодарность, откланяться и уйти!

Посланник понял знак, но он еще не высказал всего того, что хотел сообщить королю.

– Вы, кажется, желаете, чтобы я немедленно ушел, – произнес он почтительно, – а потому позвольте просить ваше величество определить мне час, в который я бы мог, не беспокоя вас, явиться к вам по делу, которое касается в одинаковой степени и чести и спокойствия моего повелителя.

«Я знал, что мне придется испить эту горькую чашу!» – подумал с досадой король, но счел более удобным для себя дослушать до конца сообщение посланника, а не назначать ему вторую аудиенцию.

– Говорите! Я слушаю! – произнес он отрывисто.

– Повинуясь желанию моего повелителя, я должен против воли просить ваше величество улучшить положение королевы Екатерины...

– Вы опять называете ее королевским титулом! – крикнул гневно король и ударил с размаху кулаком по подушке.

– Искренне сожалею, что слова мои вызвали у вас раздражение, но мой долг заставляет меня повторить еще раз, что вы, ваше величество, поступаете с ней несправедливо, – сказал твердо Шапюис, не обратив, по-видимому, никакого внимания на гнев короля. – Августейшая дочь Фердинанда Испанского и супруги его Изабеллы Кастильской и тетка Карла Пятого не должна жить в изгнании и почти в нищете. Она просит, как милостыни, у вашего величества позволения увидеть единственную дочь, но вы не обращаете никакого внимания на ее мольбы, и скорбь сведет ее в могилу!

Шапюис остановился в ожидании ответа, но король продолжал капризничать, дуться и молчать. Зная его упорство, посланник продолжал тем же бесстрастным тоном:

– Зачем ваше величество отказывает этой августейшей принцессе в желаемом свидании, которое вдобавок не сопряжено ни с какими неудобствами!

– Ни с какими неудобствами! – воскликнул Генрих. – Вам, мессир Шапюис, очень легко сказать: «Это не сопряжено ни с какими неудобствами!» Вам неизвестен характер этих дам, а я знаю наклонности и матери и дочери... Пусть Екатерина даст торжественную клятву называться не иначе, как принцессой Галльской, и, если она хочет склонить меня на уступки, пусть она не подписывается так, как она подписывается сейчас в своих письмах ко мне.

– Вы должны извинить ее, ваше величество, и принять во внимание, что особе с такими возвышенными чувствами трудно свыкнуться с мыслью, что она перестала быть законной женой и заняла двусмысленное положение в свете: эта мысль оскорбительна для ее самолюбия!

– Пусть! Это не убедит меня исполнить ее просьбу! – сказал с сердцем король. – Пусть она уезжает скорее в Аранжю! Южный климат полезен для больных!

Посол был возмущен бессердечием английского монарха.

– Хотя юг и полезен для подобных больных, – отвечал он с надменно-презрительной улыбкой, – но вашему величеству, вероятно, известно, что принцесса не в силах совершить путешествие: ее дни сочтены, и если вы не знаете, что королева при смерти, то я считаю долгом доложить вам об этом прискорбном обстоятельстве и прошу вместе с тем у вашего величества позволения отправиться немедленно в Кимблтон. У вас нет, разумеется, ни малейшего повода отказать мне в этой просьбе?

– Конечно, – отвечал апатично король. – Поезжайте в Кимблтон навестить Екатерину, и когда вернетесь, расскажите мне, как она поживает.

Он быстро отвернулся к стене, и испанский посланник вышел тотчас из комнаты.

Глава V

Отъезд Нортумберленда

День был сырой и сумрачный, с севера дул холодный порывистый ветер, и тяжелые тучи заволокли небо. Лес глухо шумел; белые маргаритки в цветниках, окружавших старинный замок Перси, прятали свои бледные махровые головки в высокую траву, а фиалки от наступившей стужи сжимали свои нежные листья; песчаные дорожки были густо усыпаны лепестками розового шиповника, ветки ломались с треском и падали на землю, а порывистый ветер разносил их в разные стороны.

Это был первый из тех мрачных, неприветливых дней наступающей осени, когда сердце без причины сжимается от безотчетной тоски.

Старый Гарри взбирался уже несколько раз на площадку высокой величественной башни, чтобы взглянуть на небо, задернутое тучами, на полет резвых ласточек и узнать по приметам, нет ли предвестников настоящей бури.

Утомленный хождением по лестнице, старик вернулся в свою комнату и сел около деревянной кровати. На полочке, приделанной над ее изголовьем, лежала освященная, иссохшая верба и стоял под стеклом образ Пресвятой Девы в простой картонной раме, расписанной, согласно вкусам сельских жителей, чрезвычайно ярко. На задней стороне этой вычурной рамки можно было прочесть коротенькую надпись от руки: «Гарри в дар от Алисы в месяце мае 1482 года».

Прямо под этой надписью находилась другая, сделанная другим, хотя таким же неровным почерком: «Брак Гарри и Алисы был отпразднован в мае 1490 года».

Внизу, с краю, была третья надпись, не менее простая и не менее трогательная:

«Благословенно имя Пресвятой Богородицы: Ее рука хранила меня среди жарких битв и послала мне счастье обвенчаться с Алисой!»

Но теперь от бывшего безоблачного счастья остались только образ Всенепорочной Девы да хилый старичок, сидевший у постели.

Алиса уже давно покоилась в могиле, и за ней последовали и трое сыновей, родившихся от этого благодатного брака, освященного церковью.

У Гарри никого не осталось на земле. Все радости его, все надежды на будущее померкли и угасли; все его ровесники незаметно переселились в вечность, а время шло и шло, оставляя свой разрушительный след: его память слабела и прошлое окутывалось все более и более в непроглядный туман; старику нужно было поднять свою седую голову к необъятному небу, чтобы припомнить дорогие черты близких ему людей, сошедших преждевременно в холодную могилу, и только образок над его изголовьем вызывал у него живое, благотворное чувство.

Даже ничего не смыслящий в живописи человек заметил бы погрешности этого изображения: его бы озадачил темно-розовый цвет тела Иисуса и бахрома, которой художник счел нужным украсить покрывало Марии; он не мог бы взглянуть без досады на огромный букет ярко-алых роз, лежащий у ног Пресвятой Девы. Но этот образок пробуждал в сердце Гарри совсем другие чувства: старик считал его сокровищем Вселенной и даже самой жизни.

Когда мрак ночи опускался на землю и древний замок Перси погружался в безмолвие, Гарри склонял колени перед заветным образом и начинал молиться. Молитвы оживляли воспоминания о дорогой подруге его блаженной молодости; перед ним вставал образ цветущей девушки в живописном наряде английской поселанки и церковный алтарь, убранный цветами. Старик произносил незабвенное имя своей жены Алисы и продолжал молиться с удвоенным усердием Создателю Вселенной.

Но в этот бурный день наступающей осени мысли старого Гарри не обращались в прошлое, его волновали сегодняшние заботы. Две слезинки скатились по бледному лицу его, изрытому морщинами. Он посмотрел на образ и прошептал с тоской:

– Не оставь, храни его, Святая Богородица!

Заметно успокоенный этой теплой молитвой, Гарри привстал с усилием и взял толстую палку, без которой он не мог бы пройти и десяти шагов. Открыв дверь на узкую, страшно крутую лестницу, он спустился по ней с крайней осторожностью, прошел большую комнату с потемневшими сводами, потом несколько залов и очутился в спальне графа Нортумберленда.

Генри Перси стоял перед открытым шкафом огромных размеров, в котором размещалась блестящая коллекция самого превосходного дорогого оружия. Граф был в дорожном платье, и в спальне его царил печальный беспорядок, сопровождающий сборы в дальнее путешествие: на полу около двери стоял уже уложенный походный чемодан, перетянутый тонкими, но крепкими ремнями; на столике стояли серебряный стакан и дорожная фляга; на окне, рядом с сумкой со съестными припасами, лежал набитый золотом вязаный кошелек ярко-синего цвета; различные ненужные бумаги, брошенные в камин, превратились в груды черного пепла, в котором еще мелькали, как змейки, огоньки; красивый плащ, опушенный мехом, свешивался со спинки старомодного кресла.

Сердце Гарри зануло, когда он увидел эти приготовления.

– Вы уже собрались! – произнес он со вздохом. – Вы, стало быть, хотите отправиться сегодня?

– Да, – отвечал лорд Перси, разбирая оружие.

Знакомое лязганье железа оживило старика: он приблизился к шкафу и посмотрел на лежавшие в нем драгоценные панцири такой великолепной и искусной работы, что они мало отличались по мягкости и гибкости от холщовой рубашки, на ножи, кинжалы, сабли и на шпаги всевозможных размеров. На бледном лице Гарри вспыхнул яркий румянец, и на губах его появилась улыбка, исполненная гордой, торжествующей радости.

– Вот секира, с которой ваш покойный отец не разлучался в битвах, возьмите ее, граф! – сказал он с несвойственным ему воодушевлением.

На лезвии секиры было столько зазубрин, что решительно невозможно было вынуть ее из раны, не лишив жизни противника.

Старый Гарри взмахнул ею несколько раз и подал Перси.

– Полюбуйтесь, милорд! – произнес он с восторгом. – Вы на ней не увидите и тени ржавчины. Ваш отец приобрел ее у собаки-жида, который наотрез отказался объяснить, где он ее добыл! Антонио ди Сандро, знаменитый учитель Бенвенуто Челлини, сделал эти ножны и эту рукоять. Всмотритесь хорошенько в это великолепие: серебро нежное и прозрачное, как кружево на груди знатной леди.

– Да, – сказал Генри Перси, – это работа талантливого художника, но никак не Челлини. На свете не было, да и не может быть второго Бенвенуто.

– Все дело в лезвии! – заметил старый Гарри, качая головой. – Рукоять же нужна для красоты; о ней не думаешь, когда идешь в сражение. Вы должны взять с собой эту длинную шпагу, – продолжал он, – а вот эту коротенькую можно привесить к поясу; секиру, разумеется, мы прикрепим к седлу.

– Ты хочешь превратить меня в ходячий арсенал! – сказал со смехом Перси.

– Оружие никогда не помешает! – отвечал с глубочайшим хладнокровием Гарри. – Пусть оно не понадобится, это не важно, но оно может понадобиться! Необходимо взять и теплый плащ. А вы не забыли захватить с собой золото? Ведь оно – нерв войны, как гласит пословица. Пословицы не лгут. Вассалы следуют за своим повелителем из чувства долга, но наемное войско повинется его воле только за деньги...

– Ты сошел с ума, Гарри! – перебил его граф. – Ты вообразил, по-видимому, что я уезжаю, чтобы возглавить чуть ли не целую армию вассалов и наемников, между тем как я, в сущности, отправляюсь на время в простое путешествие по частному делу.

– Простое путешествие! – проворчал сердито Гарри. – Вы не сказали даже, куда уезжаете. Нужды нет, я придерживаюсь еще старых порядков и повторяю вам: запаситесь всем необходимым, помолитесь поусерднее Богу, взовите к предстательству святого Михаила и святого Георгия, поручите себя Пречистой Богородице и отправляйтесь смело на все четыре стороны. Вас никто не тронет!

– Еще бы! При таком количестве заступников! – сказал с улыбкой Перси.

– Я поступал всегда точно так же, – отвечал ему Гарри с глубоким убеждением.

– И ты отлично делал! Я охотно воспользуюсь твоим благим советом, – сказал серьезно граф.

Старый Гарри вздохнул и пригладил рукой клочки седых волос, уцелевших на его лысом черепе.

– Ваша лошадь готова, я кормил ее сам, – произнес он печально. – На войне жизнь всадника зависит от его коня.

– А ты не говорил ничего нашим конюхам? – спросил с живостью Перси.

– Конечно, ничего! Что я мог им сказать? Я ничего не знаю... Я знаю только то, что у меня ужасно тяжело на душе! Я хотел бы отправиться вместе с вами, милорд... и хотя вы вчера сказали мне, что я надоедаю вам своими наставлениями, повторяю, что не понимаю, зачем вы уезжаете без провожатого... и в такой день! Ведь самый незначительный дворянин королевства постыдился бы выйти из своего домишка в таком убогом виде... Это непостижимо и даже неприлично!..

– Моя лошадь готова! Я тоже! – сказал Перси.

Он хотел было выйти, но старик встал в дверях и протянул к нему худые руки.

– Они там, внизу! – произнес он с испугом. – Я не могу при них прощаться с вами!

– Кто они?

– Понятно, ваши слуги, – сказал он тихим шепотом, как будто опасаясь, что его услышат. Старик схватил порывисто руки Нортумберленда.

– Прощай, Генри, дитя мое, – произнес он с усилием. – Прощай, мой господин! Даст ли Всевышний нам свидеться еще в жизни?

Голос его дрожал от сильного волнения, и горячие слезы застилали глаза.

– Почему ты сомневаешься, Гарри? – отвечал Генри Перси, тронутый этой искренней, несокрушимой преданностью. – Я вернусь скорее, чем ты, может быть, думаешь, и вернусь, конечно, несравненно более счастливый, чем сейчас.

– Да услышит вас Бог! – сказал набожно Гарри. – Но если вы замешкаетесь, вы меня не застанете. Я уже слишком стар.

– Ну, не печалься, Гарри, я еду ненадолго, – успокаивал граф и, наклонившись внезапно к старику, шепнул ему на ухо: – Я доверю тебе тайну, сохрани ее в сердце! Королева умирает... Я отправляюсь к ней! Я умолю ее простить Анну Болейн... А теперь прощай, Гарри!

– Святая Богородица! – вскричал с изумлением и ужасом старик. – Так вы едете к этой заштатной королеве?

– То есть к моей единственной законной повелительнице! – возразил Генри Перси.

– Вы, верно, не подумали о гневном короля? А ведь ему доложат о вашем путешествии.

– Будет, Гарри! Прощай и охраняй мой замок!

Лорд пожал еще раз с задушевностью руку своего старого и верного слуги и поспешил к парадному подъезду, выходящему во двор.

Конюх подвел поспешно своему господину чистокровного, статного и гордого коня с длинной, волнистой гривой. Прекрасное животное задрожало от радости при виде лорда Перси и огласило воздух продолжительным ржанием.

Вскоре копыта коня застучали о брусья подъемного моста, и не прошло и минуты, как всадник скрылся из глаз в густом облаке пыли.

Глава VI

Олен и гарри

Открыв окно в спальне, Гарри не спускал глаз с удаляющегося графа. Но когда Генри Перси скрылся в тумане, старик закрыл окно.

– Уехал... – прошептал он с сокрушением.

Он подошел к шкафу и начал разбирать дорогое оружие. Нужно сказать, что за этим приятным делом Гарри забыл даже на время об отсутствии Перси; но когда все было приведено в порядок, когда он прикрыл окованные медью плотные дверцы шкафа и запер их на ключ, им овладело прежнее неутешное горе.

– Уехал, – повторил он с той же глубокой грустью, – и в такую ненастную погоду!

Он собрал так же тщательно и остальные вещи, разбросанные по комнате, поставил на буфет початую бутылку испанского вина, собрал до клочка все бумаги, валявшиеся на письменном столе, и, когда спальня графа приняла прежний вид, старый Гарри приблизился к погасшему камину и прошептал тоскливо:

– Он уже теперь далеко! Да хранит его Бог!

Он поспешил уйти из опустевшей комнаты и хотел, очевидно, вернуться в свою уютную каморку, но потом передумал и пошел быстро, как только мог, по длинной галерее в очень большой зал, который назывался с незапамятных времен зал Совета. В давно минувшие времена, когда шотландцы очень часто совершали набеги на английские владения, английские бароны, проживавшие ближе к северной границе королевства, съезжались в замок Перси и обсуждали именно в этом большом зале, какие меры принять против непрошенных гостей.

На обоях этого огромного помещения были изображены сцены из жизни Александра и его полководцев – Антипатра, Лизимаха, Пармениона и прочих, – при помощи которых он покорил Персию, Индию и Грецию. Мрачные картины разрушения, большие города, объятые пожаром, и равнины, покрытые трупами воинов, заполняли стены зала. Надписи у бордюров объясняли подробно сюжеты этих печальных сцен.

На небольшом пространстве той же комнаты была запечатлена сцена далеко не такого зловещего характера: надменная Юнона отказывалась покориться могуществу великого Юпитера; богиня восседала на золотом павлине среди зелени плодов и цветов. В центре зала стоял огромный стол, покрытый дорогой старомодной тканью: на ней были изображены исторический конь, под защитой которого греки проникли в Трою, и ее разрушение; со стен валились раскаленные камни и тяжелые бревна, охваченные пламенем; Андромаха стояла на большой башне, обливаясь слезами, а главная причина всей этой катастрофы, Прекрасная Елена, готовилась вернуться в самом недалеком будущем к разлученному с ней несчастному супругу. Нетрудно догадаться, что спартанский царь должен был неминуемо найти на лице жены следы времени, так как акт похищения прекрасной королевы совершился, к несчастью, двадцать лет назад! Гениальный Гомер счел за лучшее не касаться этого обстоятельства, предоставив прозаикам свободу трактовать его, как им будет угодно.

Тот, кто создавал древнюю ткань, покрывавшую стол, последовал примеру великого поэта и не изобразил спартанскую царицу; ее место занял убитый горем знаменитый Приам, а сбоку от него шла мудрая Гекуба с целой группой троянок, призывающих мщение всех богов и богинь на предателей греков.

На столе стояла железная, позолоченная, массивная чернильница, но чернила в ней высохли и паук давно заткал паутиной ее отверстие; вокруг нее лежали реестры в толстых папках с железными застешками; в крепких дубовых ящиках громадного стола хранились, как сокровища, плохо выполненные карты северной части Англии и шотландских границ. Кроме

различных хартий, контрактов и вообще всевозможных бумаг, касающихся управления и владения обширными родовыми поместьями знатной фамилии Перси, в зале еще хранились описания осад, выдержанных их замком, и битв с шотландцами; из них образовались объемные рукописи в массивных переплетах. Этот труд взяли на себя монахи из аббатства Витби, основанного графом Уильямом Перси, соратником и другом Вильгельма Завоевателя.

Одна из этих рукописей отличалась особенно изящным оформлением, и переплет из слоновой кости поражал тонкостью резьбы, выполненной художником с изумительным совершенством. Фолиант хранился в малиновом чехле, обшитом превосходной золотой бахромой, а на белой подкладке его, затканной серебром, были вышиты шелком фамильные гербы непобедимых Перси.

Гарри медленно обошел зал Совета, присел к столу и бережно снял с рукописи малиновый чехол.

Он очень долго смотрел на переплет, восхищаясь, по-видимому, фестончатым бордюром, не уступавшим по прозрачности и нежности кружевам, а потом открыл книгу.

Составленное из разноцветных букв своеобразной формы, покрывавших плотный, голубоватый титульный лист, заглавие свидетельствовало о том, что рукопись посвящена родословной знаменитого влиятельного в Англии древнего дома Перси.

– Жаль, что я не могу добраться до колдуньи Шевиотской вершины, – рассуждал старый Гарри. – Это недалеко... а про нее рассказывают диковинные вещи... и у меня есть деньги!..

Он скрестил на груди руки, покрытые глубокими морщинами, и крепко задумался; его седые брови сдвигались все плотнее, и видно было, что он пытается отогнать какую-то неотвязную мысль.

– А дьявол-то, пожалуй, хитрее, чем мы думаем! – воскликнул он внезапно. – И ведьма, чего доброго, рассказала бы мне, увижу ли я моего господина... и женится ли он? Ведь они прибегают к различным заклинаниям! Там, говорят, летают злые черные кошки с зелеными глазами, ведьма чертит в воздухе какие-то круги, и они начинают гореть, как огонь; она сжигает всевозможные ядовитые зелья, и человеку достаточно посмотреть в ее зеркало, чтобы узнать, что с ним будет. Все это, может быть, только пустые рассказы, и аббат говорит, что всякое гадание – непростительный грех! Он даже читал нам по этому поводу очень длинную проповедь! А все же знать заранее все, что случится, чрезвычайно приятно!

Гарри развернул книгу, и внимание его всецело переключилось на переплет.

– Жаль, что я не могу прочесть это сокровище! – прошептал он со вздохом. – Я никак не пойму эти мудреные знаки. Все они на вид как будто одинаковые и стоят рядами! Одни только писцы разбирают их сразу.

Старик второй раз в жизни осознал, как плохо быть неграмотным, – он печально опустил свою седую голову.

– Придется обратиться к Олену, – проворчал он сквозь зубы. – А об этом узнают! Ведь когда моя Алиса подарила мне образ Пресвятой Богородицы, все узнали, что написано на задней части рамки... Я дам ему два пенса, и он не проболтается. Олен – славный мальчишка! Мне жаль, что его учат только грамоте... Я уже не раз говорил милорду, что из него мог бы выйти расторопный солдат, даже отважный воин, а при таком раскладе он не сможет, пожалуй, перевязать как следует и раненого осла!

Старый Гарри прошел на другой конец зала и отодвинул крепкие железные засовы на двери, выходящей прямо на вал. Этот вал представлял собой причудливое зрелище: на нем стояли группы языческих богов и вооруженных воинов: Геркулес со своей страшной смертоносной палицей и Аполлон с колчаном, наполненным стрелами; неподвижные витязи как будто угрожали с высоты осаждающим, а несколько поодаль толпа слуг волокла тяжеловесный камень с очевидным намерением подтащить его к краю и столкнуть вниз на неприятеля.

Гарри спокойно прошел мимо этих озлобленных и неподвижных воинов и, спустившись по лестнице, находившейся в башне, вошел в светлую комнатку, где мальчик прилежно чертил цифры на аспидной доске.

На голове его была легкая шапочка, а платье было сшито из тонкого сукна пурпурного цвета, подобного цвету кардинальских мантий. Когда дверь открылась, он быстро поднял голову и устремил на Гарри прекрасные глаза, сверкавшие умом.

В комнатке находилось всего только два стула; на одном из них сидел Олен, а на другом лежала целая груда нот, тетрадей и бумаг. Тут же стоял орган очень грубой работы, а за ним находилась маленькая кровать; в изголовье ее, на пуховой подушке, покоился внушительных размеров латинский словарь, труд Роберта Эстиенна, который Генри Перси подарил любознательному и смышленому мальчику.

Олен в одно мгновение освободил стул, заставленный бумагами, и подал его Гарри.

Выполняя обязанности вежливого хозяина, ребенок задавался в то же время вопросом, чем вызвано это посещение.

Хотя Олен и Гарри были, каждый по-своему, влиятельными персонами среди челяди, состоящей при графе, но им не приходилось еще ни разу в жизни оставаться с глазу на глаз.

Олен был сиротой, и Генри Перси взял его под свое покровительство; он снабжал мальчика всем необходимым и, заметив его отличные способности, помогал ему заняться образованием. Прислуга постоянно обращалась к Олену, когда было нужно подсчитать издержки или написать родным. Познания в арифметике, грамматике, а больше всего в музыке сделали мальчика весьма популярным не только в замке Перси, но и в его окрестностях. Он даже удостоивался чести в случае нездоровья старого капеллана читать на сон грядущий графу Нортумберленду разные эпизоды из Старого и Нового Завета.

Все эти обстоятельства, а еще того более убеждение, что у Олена нет воинственных наклонностей, восстановили Гарри против бедного мальчика, и он не упускал случая отозваться о нем как о глупом ребенке, на которого не следует обращать внимания. Олен понял, что только какое-то исключительное обстоятельство могло побудить Гарри заглянуть в его комнатку.

Старый слуга, казалось, был не менее Олена удивлен своей выходкой. Он уселся на стул, не говоря ни слова.

Мальчик тоже молчал и вопросительно смотрел на старика.

– Что ты писал, Олен, на аспидной доске? – спросил наконец Гарри.

– Я делал расчеты.

– А! – промычал старик. – Скажи же мне теперь: ты умеешь читать?

– Пожалуй, да! – отвечал мальчуган с плутоватой улыбкой. – Я должен, вероятно, прочитать вам письмо?

– Нет, я зашел к тебе совсем не для того.

– Так вы, видно, желаете продиктовать письмо?

– Мне некому писать.

– Вам угодно, быть может, чтобы я что-нибудь подсчитал?

– Нет! Какое сложение!

– Так что же я должен сделать?

– Ничего, – отвечал отрывисто старик, – пока ты мне не скажешь, такой же ли ты болтун, как и все мальчуганы?

– Вы знаете, господин Гарри, – возразил очень кротко, но серьезно Олен, – что я делаю все, что от меня зависит, чтобы не вызвать вашего недовольства, хотя и замечая, что вы меня не любите!

«Он действительно добрый и послушный мальчик!» – подумал старый слуга, но спросил тем не менее с напускной суровостью.

– Так я могу рассчитывать на то, что ты не проболтаешься?

– Разумеется! – отвечал уверенно Олен.

– Ну, так тебе придется прочесть мне одну рукопись, там... в зале наверху, но не смей говорить об этом никому! – продолжал он торжественным и таинственным тоном, наклоняясь к уху мальчика. – Мне захотелось прочитать родословную нашего господина, хотя я ее знаю...

– Ну так в чем же дело? Идемте! Я готов! – перебил его мальчик.

Обрадованный случаем увидеть дорогие рукописи, к которым он не смел прикоснуться, Олен взбежал легко и проворно, как кошка, по лестнице на вал.

– Эй! Тише, мальчуган! – крикнул старик, шагая вслед за ним по крутым ступеням.

Гарри был еще на полпути, а Олен уже успел обежать раза три бессменный гарнизон, столетия стоявший на крепостном валу.

Минуты через две ребенок и старик сидели у круглого стола в большом зале Совета.

Олен торопливо взял драгоценную рукопись и любовался ею, а Гарри положил перед собой на стол клочок чистой бумаги, на которую намеревался накалывать кресты концом острой иглы, чтобы вспомнить по ним самые интересные места из родословной.

Олен приступил к чтению.

В начале родословной говорилось о том, как Менеррой, от которого происходили Перси, прибыл с герцогом Роллоном из Дании в Нормандию, как преемники его славы, Уильям и Серлю, переселились в Англию с Вильгельмом Завоевателем и как Уильям, любимец этого государя, получил от него после битвы в 1067 году тридцать два поместья и, отправившись на поклонение гробу Господню, умер в Иерусалиме.

Гарри наколот крест и сказал с умилением:

– Кончить жизнь у гроба Иисуса Христа... благодатная смерть!.. Я бы тоже желал умереть таким образом!.. Читай дальше, Олен!

И мальчик продолжал с тем же воодушевлением:

– «Сын Уильяма, Олен, наследовал ему; он подарил немало земельных угодий аббатству Витби, основанному отцом его, и был в нем погребен, оставив после себя пятерых сыновей от брака с Эммой Гентской.

Его сын, Уильям, построил очень много обителей и храмов и был в свою очередь похоронен в Витби.

Ричард, его наследник, основал в 1133 году аббатство Кимблтон.

Его наследник Уильям вел страшную войну с мятежными шотландцами и овеял себя славой. Он женился на дочери короля Генриха и часто одаривал храмы. Одна из дочерей его была выдана замуж за графа Варвикского, другая обвенчалась с Гослином Лорренским, братом Адельдиды, английской королевы, и сыном Годфрида, герцога Брабантского. Четыре сына Уильяма умерли, не оставив потомства, и Агнесса, жена Гослина Лорренского, пожелала, чтобы дети носили ее девичью фамилию и соединили бы фамильные гербы Перси и Брабанта.

Агнесса была тоже погребена в Витби.

Ричард, ее наследник, имел много земель и богатых поместий; он был одним из двадцати пяти влиятельных баронов, которые защищали великую хартию свободы от всех покушений Иоанна Безземельного; он принимал участие в возмущении, вызванном жестокостью последнего, и всеми силами помогал Людовику Французскому, призванному баронами управлять государством вместо Иоанна.

После его кончины младший брат его, Генри, увеличил число их родовых поместий и получил вдобавок и замок Ликинфилд, вблизи от Веверлея.

У сына его Уильяма было более тридцати ленных угодий, не считая его наследственных владений, и король Генрих III выдал ему концессию на учреждение рынков. Он передал много земель госпиталю Сандоу и аббатству Салли, вменив им в обязанность молиться за него, и был похоронен в этом самом аббатстве.

Его сын и наследник уплатил королю девятьсот фунтов стерлингов за право вступить в брак по собственному выбору. Король взял с него слово участвовать в войне, которую он вздумал начать против Шотландии, но Генри встал на сторону непокорных баронов. Это не помешало ему на следующий год вернуть себе милость своего повелителя: он прославился многими блистательными подвигами и женился на дочери графа Сюррейского. И он был, как и отец его, похоронен в Салли.

Старший сын его, Генри, был назначен правителем Голловея в Шотландии; он участвовал в знаменитом сражении при Думбаре и во многих других и получил в награду за верность и за храбрость обширные поместья Ингельрама Баллиота, умершего бездетным. Он приобрел впоследствии у епископа Дургемского живописное и богатое поместье Альнвик».

– Да, это тот самый замок, в котором мы живем! – перебил его Гарри.

– Я знаю! – отвечал торопливо Олен. – Это произошло в третье лето царствования короля Эдуарда, приблизительно в тысяча триста десятом году.

– Да, это было чудесное время! – воскликнул ветеран с пылким воодушевлением. – Представь себе, Олен, картину этих битв, эту доблесть и славу! Лестно даже служить у подобных господ!..

Но мальчик не промолвил ни слова и продолжал читать:

– «Он перестроил замок, приобрел вслед за тем поместье Корбридж и получил по воле короля Эдуарда знаменитое графство Каррик со всеми находившимися в нем именными и замками Роберта Брюса. Он ревностно заботился об украшении храмов, строил часовню и был похоронен под алтарем известного аббатства де Фунтен.

Его наследник, Генри, был сделан губернатором нескольких городов за услуги, оказанные им в то время королю и давшие последнему возможность сокрушить обоих смелых Спенсеров. Ему была доверена и охрана границ со стороны Шотландии. Король нуждался в нем и в его присутствии даже в мирное время и в награду за эту непрерывную службу отдал ему все замки сэра Джона Клеверинга; он отправлял его и в качестве посланника к шотландскому двору, а шотландский король дал ему в свою очередь богатое поместье со значительным доходом. Этот Перси участвовал несколько раз в войне с Шотландией и Францией; он присутствовал и при осаде Нанта.

Когда шотландцы, пользуясь присутствием короля при осаде Кале, снова внезапно напали на Англию, Перси разбил их наголову и взял при этом в плен их короля Давида...»

– Ну, признайся, Олен, – перебил снова Гарри, – может ли самый доблестный и благородный род сравниться с родом Перси? Разве не приятнее защищать свою родину, одерживать победы и брать в плен королей, а не выводить караули на аспидной доске, как это делаешь ты?

Мальчуган улыбнулся.

– Ведь я не дворянин, – сказал он добродушно.

– Знаю, дерзкий мальчишка! – крикнул старик. – Но ты мог бы по милости нашего господина сделаться пажом, воином и следовать примеру порядочных людей!

– Мне не нравятся шум и бряцание оружия, – сказал кротко Олен. – Я люблю мирный труд, люблю мирную жизнь. Бог не вложил мне в душу воинственных наклонностей, и не могу же я переделать себя!

– Ну да, ты производишь от овечьей породы, но хитер, как лиса: я давно это понял. Продолжай же читать! Тебя не вразумишь, не придашь тебе храбрости!..

Старик начал с досадой колоть иглой бумагу, а Олен продолжал:

– «Генри Перси скончался вскоре после возвращения из похода во Францию и был похоронен в Альнвикском прибратстве.

Его сын, тоже Генри, сопровождавший его во всех походах и бывший в знаменитом сражении при Кресси, наследовал поместья и должности отца и приумножил славу знатной фамилии Перси.

Его сын и наследник снарядил на свой счет и отправил в Пуату до тысячи стрелков и три сотни отлично вооруженных солдат; его личная стража состояла из сотни конных стрелков, сорока семи конюхов и двенадцати рыцарей. Возведенный в достоинство маршала Англии, он был следом затем назначен губернатором Кале и его фортов. Он получил титул графа Нортумберлендского во время коронации Ричарда III. Он сражался с шотландцами и взял город Бервик; он был несколько раз посланником при разных иностранных дворах и сопровождал короля, когда тот отправился во Францию для личного свидания с Карлом VI. Сын Перси отличался такой дерзкой храбростью, что шотландцы, которым он не давал покоя, присоединили к имени его прозвище Готспур. Король Ричард, узнав, что этот Готспур, как и отец его, отзывались о нем не с должной почтительностью, приказал им немедленно явиться ко двору и, когда граф послушался этого приказа, осудил его на изгнание из Англии. Перси был возмущен подобным приговором и, пользуясь своим богатством и влиянием, взял Ричарда в плен, а герцог Ланкастер без труда завладел английской короной. Новый король, именовавшийся Генрихом IV, возвел Нортумберленда в звание коннетабля, подарил ему остров Мэн и вообще окружил его всевозможными почестями. Но волею судьбы он не смог воспользоваться выгодами такого положения. Почти сразу же после этого Готспур, негодовавший неизвестно за что на Генриха IV, восстал против него и пришел с целым войском к городу Шрюсбери; король встретил его во главе своей армии и предложил ему полнейшее прощение, но Готспур не воспользовался его великодушием. Закипел жаркий бой, и Готспур был убит. Узнав о смерти сына, граф Перси удалился в Веркуртское поместье, но был вызван оттуда предписанием парламента как соучастник сына. Он был оправдан лордами, но отрешен от всех своих почетных должностей приказом короля; он пробовал бороться, но напрасно – и умер в изгнании.

После смерти Готспура его единственный малолетний сын Генри бы вывезен дедом в дальнее поместье. Генрих V, вступив на английский престол, приказал лордам Грею и Джону Невиллу съездить за ним и привезти его в Лондон. Он вернул ему все владения деда, а впоследствии даже все должности. Желая защитить Альнвикское поместье от набегов шотландцев, Генри обнес его высокими стенами. Он был предан всем сердцем династии Ланкастеров и погиб в Сент-Олбенской кровопролитной битве.

Его сын оказал много важных услуг королю и отечеству и сражался с шотландцами, как и все его предки. Ему были дарованы все земли и все замки сэра Роберта Огя, лишенного всех прав специальным законом. Генри Перси участвовал в кровопролитных войнах Алой и Белой розы и был убит в Йоркшире».

Родословная, из которой здесь приведены исключительно главные факты, чтобы показать читателю богатство и могущество английского дворянства в ту далекую пору, была почти прочитана. Олен хотел перейти к следующему параграфу, он даже произнес: «Его сын и наследник...» – когда Гарри схватил его неожиданно за руку.

– Довольно! – сказал он. – Неужели ты думаешь, что я не знаю о жизни и блестящих подвигах моего господина, за которым следовал во всех его походах и который способствовал восшествию на престол отца нашего, нынешнего английского монарха! Нет, милый, мне известны малейшие подробности!.. Ты читаешь отлично... Остается узнать, что бы тебе хотелось получить за свой труд?

– Вы действительно хотите вознаградить меня? – спросил Олен, прищулив лукаво-прекрасные глаза, сверкающие умом.

– Да, – отвечал старик нерешительно.

– И вы серьезно думаете оплатить этот труд? – спросил опять Олен.

Мальчик знал о скупости Гарри, который тем не менее сочувствовал нуждам всего человечества.

– Серьезно, разумеется! Я не люблю болтать! – проворчал старик не без досады.

– В таком случае, – сказал мальчик, – позвольте мне хоть изредка приходить сюда и читать эти чудесные рукописи.

– Как? – воскликнул с испугом ошеломленный Гарри. – И ты дерзнул подумать, что я доверю ключ от зала Совета такому сорванцу, ключ, который я чищу почти каждый день и берегу как зеницу ока? Нет, милый, ты затеял невозможное дело! Если бы ты, например, пожелал получить от меня медовую лепешку или банку варенья, то я бы с удовольствием исполнил твою просьбу.

– Я, к несчастью, не лакомка, – сказал Олен.

– Тем хуже, милый мой! Дети должны любить всякого рода сладости, и я не виноват в том, что ты исключение из общего правила.

И Гарри, продолжая развивать свою мысль, вывел из зала мальчика, задвинул массивные железные засовы и запер дверь на ключ.

Глава VII

В дороге

Графство Нортумберленд, отделенное от Шотландии цепью Шевиотских гор, граничило с графством Дургемским, с востока – с Северным морем, а с запада – с графством Кумберлендским и орошалось многими широкими реками, в том числе Альном, Кокетом и Вернби-ком. Выехав из замка, Генри Перси поехал в Норпет легкой рысью. Хотя дорога была довольно широкой, страшная небрежность, с которой относились в те далекие времена к путям сообщения, привела бы любого из наших современников в содрогание.

Погонщикам с тяжеловесной кладью часто приходилось терять время на то, чтобы засыпать чем попало колеи и ямы, преграждавшие путь.

Тот, кто, понадеявшись на ловкость и выносливость лошади, думал обойтись без этого, нередко обращался за помощью в ближайшие селения, чтобы поднять и вытащить из грязи опрокинутый воз.

Надвинув до бровей поярковую шляпу с широкими полями и закутавшись в плащ с меховой опушкой, граф ехал, погруженный в глубокое раздумье.

Славное имя, огромное богатство и даже уважение представителей всех слоев общества – все это не имело для него никакого значения. Роковые обстоятельства разбили ему сердце, когда он был в самом расцвете сил, когда судьба сулила ему блистательную будущность, когда он, отважный и прекрасный, волновал воображение всех красавиц, блиставших при английском дворе. Лорд Перси не оправился от этого удара: его земное счастье безвозвратно ушло.

Думать об интересах Анны Болейн, молиться за нее, помогать, не жалея ни времени, ни средств, страждущим стало с тех пор его единственной целью, единственным, к чему устремлялись его чувства и мысли.

Следуя все тем же бескорыстным стремлениям, граф решил отправиться в чрезвычайно долгий и неприятный путь. Ему предстояло проехать через всю Англию, чтобы добраться до Кимблтона. Он не взял провожатого из осторожности, так как знал, что слух о путешествии может легко достичь ушей короля, державшего громадное количество шпионов, а подобный поступок мог навлечь на него гнев государя и даже обвинение в открытом неподчинении державной воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.